

Евгений Шалашов

Чекист

Тайная дипломатия

Евгений Васильевич Шалашов
Чекист. Тайная дипломатия
Серия «Чекист», книга 8

*Текст предоставлен правообладателем
Чекист. Тайная дипломатия:*

Аннотация

Приключения нашего современника, попавшего в тело юноши продолжаются.

Владимир Аксенов – начальник ИНО ВЧК и одновременно должен возглавить торговое представительство РСФСР во Франции.

События книги происходят в городе Париже.

Содержание

Пролог	4
Глава первая. Париж у ваших ног...	12
Глава вторая. Франки для Коминтерна	25
Глава третья. Немного о картинах	45
Глава четвертая. Бело-голубые	57
Глава пятая. О женах и мужьях	70
Глава шестая. Тазик для умывания	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Евгений Шалашов

Чекист. Тайная дипломатия

Пролог

Первое впечатление о Париже... курицы. Здесь их много, и шествуют они важно, а когда переходят улицы, не разбегаются перед идущим автомобилем, а продолжают идти по своим делам прямо и прямо. Так и французы – дорогу переходят вальяжно, никогда не торопятся. Если увидите, что кто-то в толпе вдруг дернулся, резко развернулся и метнулся в сторону – иностранец.

Куры клюют неторопливо, а уж как едят французы... Это ж надо так вдумчиво отрезать кусочек мяса, подцепить на вилку, поднести к губам, положить в рот, покатавать там, очень медленно прожевать, запить глоточком вина, осмыслить проглоченное, опять отрезать... Убил бы.

Если верить фильмам, из всех парижских окон видна Эйфелева башня. Врут. Из моих не видно. Французские товарищи, которым поручалось заказать для советской делегации жилье, решили сэкономить, потому снимали апартаменты подешевле и, соответственно, подальше от главной достопримечательности Парижа. Конечно, Чичерину и прочим высокопоставленным особам досталась площадь Согласия.

сия, а мне, занимавшему в дипломатической табели о рангах самое низшее место, пришлось довольствоваться Венсеном. От центра довольно далеко, а окна комнаты выходят на другую сторону. Я бы любовался Венсенским замком, но вид перекрывали старинные здания, между которыми натянуты веревки с мокрым бельем.

Мне, кстати, приходится каждое утро спускаться в метро, ехать до Porta-Mайо, а там пешком до площади Согласия, в гостиницу «Бургундия», где обитает Чичерин, и где проходят ежедневные заседания и совещания конференции.

Народ ругает Чичерина. Мол, скряга нарком, выдает суточные ежедневно, по десять франков. Спрашивается, что такое десять франков, если обед стоит пять франков, чашка кофе (в зависимости от удаленности и престижности кафе) от двадцати сантимов до одного франка, а та самая французская булка с хрустом – полтора? Зато вино... Не говорю сейчас про коньяк или марочные вина, но хорошим считается вино по пять-шесть франков за бутылку, приличным – полтора-два франка, а есть желание, можно напиться и на двадцать сантимов (стоимость проезда на метро туда и обратно).

Понимаю, почему русские эмигранты так быстро спивались в Париже. Хлеба нет, вина вдоволь. И с девушками можно договориться всего за пять франков, а при желании и бесплатно.

Как ни странно, но я оказался в более выигрышной ситуации, нежели «высокопоставленные» товарищи. Им-то сня-

ли гостиницу с завтраком, а обедать и ужинать они должны за собственный счет, а мне достался пансион, где получаю и завтрак, и ужин. Завтрак – самый обычный. Чашка кофе, выпечка (не обязательно круассаны), немного масла и сыр. Хозяйка – мадам Лепети, дородная и смуглая особа, не слишком соответствовавшая своей фамилии¹, на постояльцах не сэкономила. На ужин мадам готовит либо густую бобовую похлебку с мясом, либо фрикадельки с томатом. А пообедать можно и поскромнее, не на пять франков, а на два, если взять кофе, да пару булочек. Свободного времени вдоволь, можно погулять по Парижу, полюбоваться на Собор Парижской Богоматери, пройти к Эйфелевой башне, чтобы убедиться, что старая желтая краска плохо скрывает ржавчину, и символ города лучше бы перекрасить во что-то коричневое, как это случится потом. А уж какие книги лежали у букинистов на берегах Сены! Купил бы все, на сколько хватило бы моей заначки (двух золотых червонцев, один из которых сохранил со времен Великой войны).

Так и не понял, почему французы плачутся, что после войны у них жизнь плохая? Из-за того что вместо сорока сортов сыра осталось три? Или что трудно купить хороший картофель к зайчатине? У них, видите ли, так принято – к тушеному зайцу следует подавать только картошку. Беда... Зайцы есть, а с картошкой проблема. И еще здесь на каждом углу либо цветочные магазины, либо магазины нижнего

¹ Лепети (фр.) – малыш.

белья, а Париж сходит с ума по шляпкам от Коко Шанель, словно бы и войны не было. Даже если вся французская экономика рухнет, они выживут только на экспорте шляпок и женских трусиков.

Да, все прекрасно, но мне здесь скучно. Занимаюсь всякой... ерундой. На днях провел воспитательную беседу среди молодых дипломатов, чтобы не жаловались на наркома в людных местах, особенно в кабаках. Еще предупредил касательно местных девушек. Все мы люди, все человеки, а француженки – особы легкомысленные, особенно те, кто на жизнь зарабатывает собственным телом, и «облико морале» советского человека куда-то девается, если перед ним очаровательное дитя парижской улицы. И даже очень очаровательное, но это смотря сколько выпил. Так вот, если уж все случилось, а девушка просит деньги – отдайте сколько просит, но о цене лучше договариваться заранее. И не пытайтесь сбежать не заплатив, как иной раз бывает. Догонят. И хорошо, если сутенер вам просто начистит морду, но могут и в полицию сдать. А полиция – это международный скандал не из-за того, что советский дипломат попользовался проституткой – да пусть он хоть весь Монпарнас оприходует, венерологам тоже работать надо, а из-за того, что не заплатил. А еще, избави вас боже, «клюнуть» на фемину, пытающуюся подцепить клиента в мужском туалете. Француженки не охотятся на мужчин в сортирах, там околачиваются лица иной ориентации. А вот это уже может быть провокация или, как

скажут в будущем, – прямая подстава.

И что, разве это великое дело, поучать дипломатов? Там, в Москве, разворачиваются интересные дела. Подумаешь, нет в России четырех сортов сыра, его нет вообще, а зайцы, звери умные, уже давным-давно разбежались, а картофель, если где и вырос, то его переморозили и пустили на самогон. Ничего, можно обойтись пайковой воблой и «шрапнелью». Я из Крыма лавандового чая привез – Лидочке Артузовой он понравился. Она даже простила нам с Артуром съеденные конфеты.

Поймал себя недавно на мысли: а ведь я не хочу обратно! Да, в двадцать первом столетии у меня остались жена и дочь, которых я очень люблю. И работа у меня неплохая, квартира в столице, звание полковника присвоили, денег хватает, и в магазинах все есть. Живи – не хочу. Беда лишь в том, что *там* прекрасно обойдутся и без меня, а *здесь* я нужен. Был бы не нужен, разве бы я попал сюда?

А в Москве одна тысяча девятьсот двадцатого года разговорившийся гражданин Мяги уже сдал половину своих сообщников, торговавших не только обмундированием и амуницией, но и оружием, налево и направо. Ниточки потянулись к очень высокопоставленному лицу (это уже Дзержинскому разбираться), и в Польшу (Артузов копает), а деньги выводил в Швейцарию (а вот это уже моя работа!). И как там мой заместитель подбирает кадровый состав для ИНО ВЧК?

Они там при деле, а Олег Васильевич Кустов (не по до-

кументам же Аксенова сюда ехать), «советник по вопросам культуры» делегации РСФСР, фигней занимается – присматривает за бестолковыми дипломатами, набирается опыта и ждет приезда представителя Коминтерна. Собственно говоря, кроме задачи наблюдательно-дипломатической, мне поручили еще одну. Не исключено даже, что более важную. Выйдет ли толк из конференции, вилами на воде писано, а здесь реальная польза для нашего государства. И помочь мне должен тот «коминтерновец». Товарищ Ленин, «нарезая» задачу, улыбнулся и так охарактеризовал помощника: человек опытный, старый большевик, прекрасно владеющий французским языком, хорошо знающий Париж.

Николай Иванович Бухарин у кого угодно мог отбить уважение к Коминтерну, но люди там разные. Может, «коминтерновец» и человек неплохой, а то, что переводчик, совсем прекрасно. Я как раз собирался в Лувр сходить, а еще – в какой-нибудь знаменитый кабак, вроде «Купола» или «Ротонды». Может, забредет туда Пикассо или Камю? Матисс вряд ли, а Сартр – вполне возможно. Но без знания французского языка там делать нечего, да и русские эмигранты ошиваются. Глядишь, за переодетого чекиста примут.

– Monsieur Cousteau? – донесся из-за двери голос хозяйки.

– Ви, мадам, – бодро отозвался я.

– Monsieur Cousteau, une femme vous demande. La laisser monter?

За неделю пребывания в Париже разговаривать по-фран-

цузски я не научился, но начал кое-что понимать. Например, что меня здесь именуют не мсье Coustof, а Cousteau, что соответствует Кусто. Кто помнит – был такой французский путешественник и ученый, кстати, еще и мой коллега. А еще понял, что меня спрашивает какая-то женщина, а мадам Лепети интересуется, можно ли ее впускать? У нашей хозяйки все строго. Не позволяет приходить в пансионат посторонним. И правильно.

Что за женщина такая? Любопытно. Надеюсь, не очередная террористка, отслеживающая меня от Архангельска или от Львова? Мне они уже поднадоели. Автоматически потрогал боковой карман, но увы, родного браунинга там нет. Не рискнул тащить оружие через несколько границ. Зря, кстати, никто не проверял. Можно бы в Париже приобрести, но за кольт двадцать франков просят, за наган тридцать, а за браунинг моего любимого калибра, вообще пятьдесят. Охренели французы! На всякий случай придвинул поближе кувшин для умывания – фаянсовый, тяжеленный, и открыл дверь.

На пороге стояла молодая женщина в темно-синем костюме, на голове шляпка, что я видел в витрине самого модного магазина на улице Камбон. Элегантная, как истинная француженка. Однако, вопрос задала по-русски, да еще и до боли знакомым голосом:

– Так ваша фамилия Кусто, а не Кустов? Мсье, я ваша переводчица.

Загребая в объятия Наталью Андреевну, понял, почему

улыбался товарищ Ленин. Шутник он, вождь мирового пролетариата.

Глава первая. Париж у ваших ног...

В Лувр или Люксембургский дворец мы с Натальей в этот день не сходили. В этот день мы вообще не вышли из комнаты, а хозяйка деликатно не стала напоминать, что пора ужинать. Более того, мадам Лепети сама принесла его в комнату, да еще и на двоих. Загадочно улыбнувшись Наталье Андреевне, высунувшей из-под одеяла нос, поставила на стол поднос и удалилась.

Когда за хозяйкой закрылась дверь, я заметил:

– Странно, что это на нее нашло?

– А что такое? – спросила Наталья, выбираясь из-под одеяла. Посмотрев на мою вешалку, где висели пальто и пиджак, грустно спросила: – Халата, разумеется, у тебя нет?

Вопрос риторический. Какой халат? Я уже и забыл, что приличному мужчине полагается дома ходить в халате. Впрочем, я и в своей эпохе его не носил, предпочитая треники.

Вытащив из шкафа мою чистую рубашку, Наталья без разрешения напялила ее на себя и уселась к столу.

– Вкусно пахнет!

Еще бы не вкусно. Сегодня вместо бобовой похлебки подали жареную баранину со шпинатом. Уплетая нежное мясо, я пояснил:

– Обычно, после сигнала мадам, если кто-нибудь из жиль-

цов не спускался вниз к общему столу, то рисковал остаться без ужина. У мадам Лепети не забалуешь.

– Это правильно, – похвалила дочка графа мою хозяйку. – Таких, как вы, нужно держать в строгости, иначе быстро сядете на шею.

Покончив с ужином, Наталья Андреевна напялила юбку, поискала взглядом блузку, но та оказалась куда-то закинута, надо искать, потому так и осталась в рубашке. В принципе, могла бы вообще без юбки обойтись – очень сексуально, а рубаха сошла бы за тунику, но эпоха не та, покамест даже в Париже не поймут.

– Куда это ты? – поинтересовался я.

– Отнесу посуду, а заодно кое-что у хозяйки спрошу.

Дочка графа Комаровского отсутствовала минут десять, вернувшись, ухватила свой ридикюль и опять ушла. Надеюсь, браунинга там нет? Прислушался, но выстрелов не услышал, а скоро возвратилась моя любимая женщина и сразу с порога заявила:

– Володя, утром мы с тобой перебираемся в другую комнату. Она обойдется дороже на пятьдесят франков, зато там есть ванна. – Заметив скорбное выражение на моей физиономии, улыбнулась: – За комнату я уже заплатила. И не смотри на меня, словно я собираюсь сделать из тебя чичисбея.

А чичисбей у нас кто? Типа, жиголо?

– Наташ, я тебе все верну, – сказал я, поняв, что с одним из червонцев придется расстаться. Французы – сквалыги еще

те, а нумизматическая ценность монеты их не интересует. Кто-то вдруг скажет, что это глупость, но нет. Не приучен, чтобы за меня кто-то платил, тем более женщина.

Наталья Андреевна подошла ближе, улыбнулась и взъерошила мне волосы.

– Володя, я знаю, что ты щепетилен до дури. Но ты же сам звал меня замуж. Или ты уже передумал?

– Наташка, не говори глупости, – хмыкнул я. – Такими предложениями не бросаются.

Наталья посмотрела на меня, покачала головой. Я уж решил, что напомним давнее обещание жениться на Полине-Капитолине, но она сказала другое:

– А раз мы с тобой почти супруги, то какие могут быть расчеты? Если семья одна, то и кошелек должен быть общий.

– Всегда считал, что деньги мужа – общие деньги, а деньги жены – это только ее. Так что эти деньги я тебе должен вернуть.

– Володя, не валяй дурака, – вздохнула Наталья. – Я получила пятьсот франков от Чичерина, значит, мы можем тратить их вместе.

Если от Чичерина, это меняет дело. Но пятьсот франков? Мне на оперативные расходы (я ничего не говорил, а вы это не читали!) он дал только двести. Если измерять пятьсот франков «еврами», то это будет... Не знаю, сколько это будет, посчитайте сами, но на три тысячи франков в год могла существовать среднестатистическая семья. Как это при-

жимистый нарком расщедрился? Спрошу потом, а пока пора собираться.

У меня не так и много вещей – одежда с обувью, да мыльно-рыльные принадлежности. А у Натальи Андреевны вообще ничего нет.

– Мадемуазель, а где ваши чемоданы? – поинтересовался я.

– Их и всего-то два, – отозвалась Наташа. – Я их у родственников оставила, потом заедем, заберем.

Интересно девки пляшут. Видите ли, у нее есть родственники в Париже. Впрочем, она что-то такое говорила. Забавно, если мы поженимся, придется писать об этом в анкетах, и никого не убедить, что, чисто формально, даже жена не является родственником, а уж тем более члены ее семьи. Впрочем, у товарища Дзержинского тоже есть родственники за границей, да и у Троцкого, насколько помню. Так что плевать. Если кто-то захочет отыскать на меня компромат, отыщет.

Утром хозяйка была так любезна, что снова принесла завтрак в комнату. На сей раз кроме выпечки и кофе, обнаружилась еще и ветчина. Не иначе из-за симпатии ко мне. Или из-за того, что мы стали более «дорогими» клиентами.

Комната, снятая Натальей, стоила того, чтобы переплачивать. Широкая кровать, ванная комната, а не опостылевший тазик с кувшином, вид из окна интереснее. Правда, Эйфелеву башню все равно не видно, ну да и черт с ней, я сюда не

виды Парижа приехал рассматривать.

– Кстати, я выяснила, почему хозяйка сама принесла ужин, – улыбнулась вдруг Наталья Андреевна. – Она очень рада, что у тебя появилась женщина. Говорит, такой молодой и красивый мужчина, пусть и иностранец, но без женщины – неприлично. Она уже хотела познакомить тебя с кем-нибудь из знакомых модисток.

– С чего вдруг такая забота? – удивился я.

– Говорит, ты напоминаешь ей погибшего сына. Он на Марне погиб. А еще видела у тебя шрамы, спрашивала – во-евал ли месье Кусто с бошами? Интересно, когда это мадам рассмотрела ваши обнаженные тела?

Я только пожал плечами. Не помню. Хотя... я мог просто не докрыть дверь, а хозяйка проходила мимо.

– Да, а это правда? – спросила Наталья.

– Что именно? – не понял я вопроса. Вроде, мою анкету она знает лучше меня. Как-никак, была моей начальницей. Я-то ее не видел, а заполнял ее настоящий Аксенов.

– А то, что такой красивый молодой человек за всю неделю ни разу не привел женщину? Или ты по борделям шастал, а?

Это она всерьез? Пришлось осторожно ухватить Наталью и посадить к себе на колени.

– Ходить по борделям мне не на что, а даже если бы и было на что, не пошел бы. Ты меня знаешь – побрезгую. Подцепишь какую-нибудь амурную пакость, на хрен мне это нуж-

но? – решил перевести я все в шутку, а потом и сам перешел в наступление. – Я же тебе не делаю выговор, что гуляла без меня по Парижу... Да, а сколько ты здесь, если у родственников побывала, к Чичерину успела сходить? Дня четыре?

– Чекист... Только не четыре, а три, – хмыкнула Наташа.

– И почему сразу не пришла? – спросил я с некой обидой.

– Володя, я же не могла прямо с дороги явиться к тебе, – хмыкнула Наталья Андреевна. – Я почти неделю добиралась, фу... вонючая, как... Не знаю, с чем и сравнить, но как ты сам однажды сказал, как не знаю кто. Навестила родителей. Я хоть и непутевая дочь, но их очень люблю, да и они меня. А мы с семнадцатого года не виделись, сам понимаешь... И нужно же женщине вымыться, сходить к парикмахеру, привести голову в порядок, пройтись по магазинам, купить себе что-нибудь?

Удивительные метаморфозы творит Париж со старыми большевиками. В Череповце и даже в Москве Наталье Андреевне было все равно, что носить, и какая у нее прическа. Впрочем, не мое дело критиковать заслуженных товарищей, тем более если это женщины... И я лишь кротко кивнул.

– Например, шляпку от Коко Шанель.

– Подожди-ка, дорогой мой чекист, ты уже начал разбираться в моде? – насторожилась Наталья. – Любопытно, кто же тебя успел просветить? Французская кузина?

– Увы, кузины-белошвейки живут лишь в романах Дюма, – с деланной грустью ответил я. – А про Коко Шанель

только ленивый не говорит. Мол, последний писк моды.

– Писк моды? – переспросила Наталья, потом съехидничала. – Знаешь, не перестаю удивляться твоему богатому словарному запасу. Нет-нет, да подаришь очередной неологизм. Я как-то Бухарину сказала – вы, товарищ, не с дуба рухнули? Так он потом целый вечер коньяк пил. – Вспомнив про своего бывшего шефа, Наталья внимательно посмотрела на меня. – Скажи-ка мне, товарищ Аксенов, как большевик большевику – не ты ли приложил руку к снятию товарища Бухарина? Я в это время была... ну, неважно где, только новость: мол, Бухарина сняли с большим понижением, чуть ли не с исключением из ВКП(б), а подробностей никаких. Ходила сплетня, что он со Склянским затеял государственный переворот, но сплетням веры мало. Но, если одновременно снимают с постов двух крупных деятелей, то связь должна быть. Но не та фигура Николай Иванович, чтобы перевороты затевать, не та.

– Видите ли, Наталья Андреевна, э-э... – осторожно начал я, не зная, стоит ли говорить или нет. Конечно, не бог весть какая тайна, ничего не подписывал, расписок никому не давал, но, если меня *очень* просили не разглашать подробности, не стоит посвящать в это любимую женщину.

– Володя, я прекрасно все понимаю, – приобняла меня Наталья. – У самой секретов полно, ну, ты и сам знаешь. А у вашего брата их и того больше. – Видимо, что-то она смогла прочитать в моих глазах, потому что хмыкнула с удовлетво-

рением. – Все поняла, спрашивать больше не стану.

Чмокнув меня в щечку, Наталья Андреевна подошла к зеркалу и начала прихорашиваться. Повертелась так и этак, с неудовольствием заметила:

– Мог бы жакет и поаккуратнее снимать, не бросать куда попало, а теперь гладить нужно. Придется к хозяйке за утюгом идти.

– Я свой костюм мадам Лепети сдаю, у нее помощница есть, погладит, – сообщил я и уточнил: – Глажка одежды входит в стоимость пансиона, а вот за стирку придется платить отдельно.

Эх, где же старая добрая синтетика, которую не нужно гладить? А тут, поди ж ты, и блузки-жакеты регулярно гладь, а мне еще и брюки приходится отпаривать, стрелку наводить.

– Так у тебя запасные штаны есть, а я как пойду? – хмыкнула Наташа. – И не люблю, если кто-то чужой мои вещи трогает. Привыкла сама и стирать, и гладить.

Я критически осмотрел одежду Натальи. Не знаю, с чего она взяла, что мятая?

– Знаешь, вполне прилично все выглядит, и не нужно пока гладить, – пожал я плечами, потом спохватился. – Мы куда-то с тобой идем? Мне же еще на службу нужно.

– От службы ты сегодня избавлен – суббота. Про выходной ты забыл?

Про то, что сегодня суббота, я помнил, но не знал, что суббота – выходной день. У меня уже давным-давно не нет

ни суббот, ни воскресений. Пожалуй, как раз с того момента, как я сюда и попал. В *той* жизни тоже хватало рабочих суббот – «субочих работ», как говорил мой маленький племянник, а здесь отдыхать довелось лишь в госпиталях, да в поезде. И ничего, привык. Да и какие могут быть выходные, если у тебя столько интересных дел?

– Так куда мы с тобой идем? – напомнил я.

– Не идем, а поедем на такси. В Сен-Жермен. Туда можно и в мятой юбке. Да, имей в виду, что в автомобиле говорит стану я, а тебе лучше молчать.

Ух ты, она меня конспирации станет учить?! А то я не знаю, что часть таксистов в Париже – русские эмигранты не испытывавшие любви к соотечественникам.

Кафе «Дё маго» и на самом деле было одним из самых знаменитых в Париже. И, как это водится, одним из самых посещаемых. Как же, здесь может оказаться Пикассо, Хемингуэй или Тулуз-Лотрек. Впрочем, Тулуз-Лотрек уже умер, а Хемингуэй еще не стал писателем. Но хватает звезд и помельче, свет которых не дошел до моего времени. У нас бы в подобное «заведение общепита» стояла очередь, а здесь даже имелись свободные места. Нас с Наташей посадили к импозантному дяденьке похожему на доктора, в рыжем пиджаке и при галстуке. Сходство с эскулапами добавляли очки в золотой оправе и небольшая бородка. А еще он был очень похож на какую-то известную личность. Снять очки, получается Зигмунд Фрейд. Может, это он и есть? Как знать, не

снимал ли Фрейд очки для позирования?

Перед дяденькой стояли бутылка вина и тарелка с сыром. Но пил он как-то нехотя, словно через силу.

Мы с Натальей заказали себе на завтрак ризотто и овечий сыр. Причем, официанта несколько не удивило, что мадам станет пить вино, а месье – кофе.

В ожидании заказа Наталья вздохнула:

– Когда-то я слушала здесь Аполлинера. Интересно, где он сейчас?

– Наташа, если ты имеешь в виду Гильома Аполлинера, то он умер, – сообщил я.

– Умер?

– Так он же воевал, ранение получил, всех подробностей не упомяну, – принялся рассказывать я. Спohватившись, принялся «легализовать» свои знания. – Я в Архангельске в какой-то газете некролог видел. Кажется, в восемнадцатом году.

Наталья Андреевна собиралась что-то спросить, но ее несостоявшийся вопрос был прерван нашим соседом похожим на Фрейда. Он о чем-то заговорил с Натальей, та довольно бегло отвечала. Надеюсь, француз не собирается приударить за дочерью графа? Воспользуется моей языковой беспомощностью... Из разговора я уловил лишь имя поэта. Кажется, «Фрейд» был лично знаком с Аполлинером. Но сосед оказался не психиатром.

– Мсье Анри, художник, – представила Наташа соседа, а

меня же отрекомендовала как мсье Кусто и что-то там про вояж и ля Росси. Видимо, русский путешественник.

– Есть у меня знакомый художник, – вспомнил я своего приятеля и соратника из Крыма. – Так он рассказывал, что они с приятелем решили – если пишешь портрет, то следует писать его тем материалом, теми инструментами, которые имеют отношение к профессии человека. Скажем, парикмахера следует изображать помадой и бриллиантином, рыбака – чешуей, доктора – касторкой и йодом, солдата – дегтем, кондитера – кремом.

– Боюсь даже предположить, чем станут писать портрет золотаря, – флегматично заметила Наталья, а потом начала переводить.

Мсье Анри расхохотался, весело произнес какую-то фразу, из которой я понял лишь «мерде», потом разразился тирадой, из которой я тоже понял лишь пару слов, одно из которых было имя.

– Володя, мсье Анри говорит, что он знаком с твоим другом, – перевела Наталья, отчего-то помрачнев.

– Так я уже догадался, что знаком, – вздохнул я, сообразив, что это за «мсье Анри». – Наташа, у тебя нет листа бумаги?

– Только паспорт, но пограничники не поймут.

Сидеть рядом с любимым художником да не взять у него автограф? Лучше бы картину купить, но на нее денег не хватит. Картины Пикассо идут по две тысячи франков за шту-

ку, рисунки дешевле, а сколько стоит Матисс? Ладно, пусть хотя бы на салфетке распишется.

Мсье Анри правильно истолковал мое затруднение. Вытащив из внутреннего кармана рыжего (цвета кэмел) пиджака карандаш и пачку открыток, оставил на одной из них автограф Henri Matisse и вручил мне. А открытка-то не простая, авторская. Эх, ее бы домой, показать жене!

Нам наконец-таки принесли заказ. Художник, вытащив из кармана часы, спохватился и, поцеловав Наташину ручку (если я и ревновал, то самую малость), пожав мою руку, ушел.

Некоторое время мы сидели молча, словно французы, у которых не принято говорить за едой. Покончив с ризотто и отхлебнув из бокала, Наталья огляделась по сторонам и тихонько сказала:

– Володя, тебя точно скоро убьют.

– С чего у тебя такие мысли? – удивился я.

– Ты не забыл, что я сотрудник Коминтерна? Наши товарищи из Германии недовольны, что сорвалась мировая революция. Они-то готовились, уже и отряды создали. Все «спартаковцы», кто жив остался, оружием обзавелись.

– А я здесь причем?

– Так все при том же... Бухарин... Еще я не удивлюсь, если узнаю, что и к аресту Тухачевского ты руку приложил. Войны с Польшей нет, стало быть, мировой революции тоже. Переговоры с белыми – это твоих рук дело? Можешь не от-

вечать, но, если речь шла о Максимилиане Волошине, а ведь именно о нем и шла речь, так он в Крыму. А если ты знаком с Максом, то ты был в Крыму. А что мог делать сотрудник ВЧК в последнем оплоте белых?

– Наташа, если я чего и сделал, то не своей волей, а токмо волей пославших меня партии и правительства. Так что все вопросы к ним.

– Ага, к ним. К ним-то никто вопросы задавать не станет, а вот к исполнителям... Знаешь, дорогой товарищ Кусто, лучше я тебя сама убью, так надежнее.

Глава вторая. Франки для Коминтерна

Я подозвал официанта, кивнул на опустевшую чашку – мол, повторите, перевел взгляд на Наталью:

– Успею еще чашечку выпить?

– В каком смысле? – не поняла моя невеста.

– Я к тому, ты меня прямо сейчас убьешь или позволишь кофе допить? И учти – если убьешь, я на тебе жениться не смогу.

Вместо ответа Наташа придвинулась ко мне, намереваясь поцеловать в щечку, но я успел подставить губы.

– Смотрят же, люди кругом... – зашипела Наталья.

Можно подумать, что окружающим есть дело до того, кто кого чмокает. Здесь Париж, а не Череповец и не Москва даже. Вот если бы мы прямо за столиком собрались заняться чем-то иным, то здесь бы и парижане не выдержали... Глядишь, советы бы стали давать.

– Любопытно, откуда у члена партии большевиков буржуазные предрассудки? – хмыкнул я.

– Ох, Володя, – помотала головой графская дочь. – Как говаривала моя нянюшка: бить тебя некому, а мне – некогда.

– Понял, успею, – кротко кивнул я, принимаясь за вторую чашку. Или это уже третья? Плевать, кофе здесь очень хо-

рош.

– Убедил, я тебя пока убивать не стану, – вздохнула Наталья. – Я тебя потом убью, но не из-за политических соображений. Скажи-ка лучше, как там твоя подчиненная поживает, с бронепоезда? Как там ее? Таня?

При воспоминании о Танюшке в левой части груди, там, где должно быть сердце, что-то сдавило, да так, что пришлось поставить на стол чашку.

– Володя, что случилось? – затормошила меня Наталья Андреевна. – На тебе же лица нет.

Отогнал от горла противный комок, допив кофе, чтобы загнать этот ком поглубже, сказал:

– Таня. Только, Наталья Андреевна, она уже не поживает.

Наташа встала и, плюнув на все приличия, обняла меня, прижала к себе, а потом поцеловала.

– Давай-ка лучше пойдем.

Какое-то время мы шли молча. Похоже, она испытывала чувство неловкости, а я... А я сам не понял – что же случилось? Вроде, излишне сентиментальным никогда не был, терять друзей приходилось, и к Танюшке относился хорошо, но не более того. Да, несколько раз случился и секс, но полюбить девушку я вряд ли бы смог. Наверное, со временем мы могли бы стать просто друзьями, если это возможно между мужчиной и женщиной. А вот, поди же ты...

– Володя, можно я не стану просить прощения за свою глупость? – прервала молчание Наташа. – Или просить? Хо-

чешь, скажу – прости меня за женскую глупость, за бабью ревность? Эта девушка тебе нравилась?

Наталья Андреевна, считавшаяся в моем провинциальном городе «железной большевичкой», неожиданно всхлипнула. Вздыхнув, я обнял эту маленькую женщину до сих пор считающую, что она старше меня, прижал к себе не обращающая внимания ни на струйки воды бьющие от фонтана, ни на одобрительные взгляды прохожих.

– Наташа, прощения просить не нужно. Нравилась, нет ли, здесь другое. – Задумавшись, как правильно изложить, сказал: – Таня спасла мне жизнь. Понимаешь, я стоял повернувшись спиной, а сзади зашел человек с ножом, а она меня закрыла собой.

Наталья отстранилась, вытерла слезы.

– Ясно, считаешь себя виноватым, – проговорила она и потянула меня вперед. – Давай пойдем дальше, иначе вымокнем.

Мы пошли дальше, и Наташа сказала:

– Могла бы сказать – мол, Володя, не казни себя, ты не виноват, но не стану. Сколько не говори, а казнить ты себя станешь, по себе знаю... Поверь, у меня тоже есть что вспомнить, есть за что чувствовать себя виноватой. И ничего тут не сделаешь, нужно жить с этим дальше.

Наталья права. С этим нужно жить. И верю, что за ее спиной немало неприятных воспоминаний.

– Да, а куда мы идем? – спохватился я.

– В Люксембургский дворец. Ты же говорил, что мечтаешь посмотреть картины импрессионистов.

– А разве они не в Лувре? – удивился я. В мое время импрессионисты находятся в музее Орсе, но в двадцатом году прошлого века Орсе пока еще железнодорожный вокзал.

– Кто пустит импрессионистов в Лувр? – усмехнулась Наташа. – Лет двадцать назад их бы и в Люксембургский дворец не впустили, но времена меняются. – Открыв ридикюль, она вытащила часы, щелкнула крышечкой. Посмотрев на циферблат, спросила: – Кстати, тебе хватит четырех часов?

Четыре часа на осмотр картин? Да мне бы и двух хватило за глаза и за уши. Это моя супруга из *той* реальности осматривала бы картины от восхода и до заката, а дай ей волю – она бы в зале палатку поставила и жила бы среди картин. Но я на всякий случай поинтересовался:

– А мы куда-то спешим?

– У меня на пять по полудню назначена важная встреча. Если хочешь – можешь сходить со мной, нет – оставайся. Музей работает до шести.

Пересказывать содержание картин Мане и Моне, Дега и Ренуара, Гогена и Ван Гога – занятие неблагодарное. Каждый из нас сейчас может посмотреть репродукции – хоть в бумажном, а хоть в электронном виде, но, поверьте на слово, картины великих художников лучше смотреть «живьем». Другое дело, если полотен много, они начинают мельтешить перед глазами, и скоро ты уже перестаешь понимать, кто на-

писал «Завтрак на траве» – не то Моне, не то Мане? Или это вообще Поль Сезанн? И кто здесь Тулуз, а кто Лотрек?

Еще заинтересовало вывешенное в фойе объявление о продаже с аукциона коллекций конфискованных правительством у германских подданных. Объявление на двух языках – французском и английском, поэтому я смог его прочитать. Сходить, что ли? Увы и ах.

Кафе «Chat et pêcheur», где у Наташи назначена встреча, в двадцати минутах ходьбы от дворца. Для «безъязыких» туристов вроде меня или неграмотных парижан на фасаде прибит эмалированный щит с изображением рыжего кота и парня с удочкой. Стало быть, кафе «Кот и рыболов».

Мы пришли раньше назначенного времени, сели за столик, заказали непатриотичные шницели по-венски и кофе.

– А теперь, Наталья Андреевна, в двух словах – с кем ты должна встретиться и отчего нервничаешь? – Видя, что моя подруга закусил губу, вздохнул. – Наташ, секретность хороша к месту. Лучше бы понимать заранее, к чему готовится.

– Ладно, – кивнула Наталья. – В общем, Владимир, дело такое... Накануне войны все наши живущие во Франции – и большевики, и меньшевики, а также сочувствующие, собрали деньги, сдали их в общую кассу. Казначеем назначили товарища Лаврентьева Ивана Вадимовича. Молодой, но надежный товарищ, лично рекомендованный Владимиром Ильичом. Деньги Лаврентьев положил на собственный счет в банке, потом он должен был перевести их в Ве-

ну, Цюрих и Берн. Какие-то суммы перевести успел, а тут война. В Швейцарию перевод еще можно сделать, а в Вену? Французская полиция сразу бы наложила арест на перевод средств во вражескую страну, а могла бы арестовать и владельца счета. Снять деньги и просто перевезти наличными тоже невозможно – банки стали ограничивать выдачу наличных. В общем, деньги застряли, а сам Лаврентьев неожиданно исчез. Думали – либо скрылся с деньгами, либо убит, а может ушел на фронт – многие тогда ушли, да мало ли, что могло случиться. С деньгами распрощались, а недавно Иван Вадимович вдруг появился в Париже. Его отыскиали, назначили встречу. Моя задача: узнать судьбу денег и, по возможности, вернуть их Коминтерну.

– Сумма большая? – поинтересовался я.

– Да как сказать, – пожала плечами Наташа. – По нынешним временам уже и не очень, а на тот момент вполне приличная – сто тысяч франков.

Сто тысяч – сумма изрядная, но не сказал бы, что чрезвычайная. Для государства, так это всего ничего. А что можно купить на сто тысяч франков в тысяча девятьсот двадцатом году? Мне бы, например, хватило на аренду штук трех-четырех конспиративных квартир (вспомнился номер с ванной за пятьдесят франков), вербовку агентов, а еще бы и на непредвиденные расходы осталось. Но лучше губу закатать.

– Сто тысяч – очень недурственно, – с важным видом закивал я. – А за шесть лет еще и проценты набежали. Даже

если по четыре годовых – приличная сумма.

Но дочка графа Комаровского была более реалистична:

– Если что-то и набежало, все инфляция съела. Да и проценты во время войны замораживались. Мы даже не знаем, что за банк, существует ли еще? Ладно, если он открывал счет в «Сосьете Женераль» или «Кредите Лионез», а если в другом?

Я собирался спросить – почему таким важным делом занимался один человек? Почему казначея никто не контролировал? Кассир там, счетовод... Кто еще может быть в подпольной организации? Потом дошло, что из соображений безопасности. Партийная ячейка существующая нелегально в чужой стране, это не современная политическая организация со штатом, бухгалтерами и ревизорами. Там, где тайна известна двоим, это уже не тайна. Но, опять-таки, все упирается в уровень надежности человека.

– А почему деньги нужно вывести в распоряжение Коминтерна, а не в распоряжении партии большевиков? И почему именно ты должна этим заниматься? – поинтересовался я.

– В распоряжение Коминтерна, потому что деньги сдавали не только русские эмигранты, но и французы, испанцы. Стало быть, это интернациональные деньги. А почему я, так потому что лично знакома с Лаврентьевым, сама находилась летом четырнадцатого года в Париже, – пояснила Наташа. – Приказ поступил от товарища Зиновьева, Владимир Ильич не возражает, так что еще?

– Подожди, я чего-то не пойму, – принялся я размышлять вслух. – Тебя прислали в качестве переводчицы или деньги для Коминтерна выбивать?

– И то, и то. Я же была... ну, это неважно, где я была, когда прибыл курьер с заданием. Мне приказано выяснить судьбу денег, а заодно помогать одному молодому товарищу. Правда он отчего-то оказался мсье Кусто, да еще и с непереводаемым именем, – улыбнулась Наталья.

– Да, а ты сама, кто сейчас по документам? – спохватился я.

– Так и осталась, Наталья Андреевна. Было бы другое имя, я бы сказала.

Нам принесли шницели по-венски. Мне понравилось, но Наталья Андреевна, разжевав кусочек, возмутилась и подозвала официанта. А дальше произошел оживленный диалог, в ходе которого официант попытался что-то доказать, но был вынужден с позором капитулировать перед возмущенной женщиной, унося наши тарелки.

– Наташ, ты чего? – удивился я. – Вкусно же. Панировка не понравилась?

– Шницель по-венски должен быть приготовлен из телятины, – безапелляционно заявила Наталья. – А здесь говядина.

А ведь я даже и не заметил разницы. И не стал говорить, что мне доводилось есть шницели по-венски приготовленные из свинины. Один раз даже в самой Вене (Вообще-то,

нам не положено, но, надеюсь, читатели об этом никому не скажут?)

До встречи еще оставалось добрых полчаса. Но вместо того чтобы спросить меня о впечатлениях от Люксембургского музея, Наталья поинтересовалась:

– Как ты считаешь, есть смысл в этой конференции?

Есть ли смысл в конференции, которую и конференцией-то нельзя назвать? Если бы я знал... По моим представлениям, это, скорее, рабочее совещание в преддверии чего-то более важного. Да, в сентябре, я как раз вернулся из Крыма, Франция на собственной территории предложила провести мирные переговоры с Польшей. Если учесть, что именно галлы снабжали поляков оружием, техникой и кадрами, то довольно-таки неожиданно. Верно, побоялась, что ее опередит давний недруг и нынешний друг Англия, став посредником со всеми вытекающими последствиями, вроде искренней благодарности советских трудящихся и «права первой ночи» относительно наших полезных ископаемых. Сразу же напрашивается историческая аналогия – после Смуты англичане уже выступали посредниками между Московским царством и Речью Посполитой, за что получили множество преференций, включая право беспощинной торговли по всему нашему государству.

Ленин и Политбюро предпочли в качестве посредника Францию, куда и отправилась высокопоставленная делегация, где на должности младшего советника пребывает це-

лый начальник политической разведки. Забавно, кстати, если учесть, что у РСФСР и Франции нет дипломатических отношений, и наша делегация во главе с Чичериным являлась неофициальной. Дипломатического иммунитета у нас нет, так что, случись какая провокация, придется отвечать по всей строгости законов.

Переговоры с поляками двигались туго. Они уже не требовали уплаты контрибуции и возвращения культурных ценностей, соглашались на установление границ по рубежу расселения этнических поляков, но отчего-то хотели возвращения Львова и всей Галиции. Настаивали, что Галиция – коронные польские земли, а мы им приводили выписки из «Повести временных лет», где четко говорилось о Галицко-Волынском княжестве как о русской земле.

Использовать исторические источники на нынешних дипломатических переговорах было моей идеей, поддержанной наркоминделом. Чичерин после того случая с мечом Рюрика стал смотреть на меня не просто, как на «глаз ВЧК» и фаворита товарища Ленина, а как на человека, умеющего подсказать интересную мысль. А особенно Георгий Васильевич зауважал вашего покорного слугу после того, как я подсказал ему очень важную фразу, о которой скажу чуть позже.

Переговоры с Польшей, разумеется, стали для французов еще и поводом для прощупывания нас на более важный предмет – наших долгов. Тут все понятно. Во Франции обитало немаленькое количество буржуа, мечтавших стать ран-

тые за счет выплат по российским облигациям. Люди продавали дома, землю, все прочее имущество вплоть до последних панталон любимой тещи, чтобы заполучить вожделенные ценные бумаги, дававшие невиданную прибыль – четырнадцать процентов годовых. И декрету Советского правительства от третьего февраля одна тысяча девятьсот восемнадцатого года владельцы российских облигаций не обрадовались. Франция – республика, и места в парламенте и правительстве зависели от электората, а депутатам и министрам ужасно нравились свои места...

Но и Англия жаждала возвращения долгов. У этих мы назанимали поменьше, но все равно, английским депутатам тоже нравилось сидеть в парламенте, и потому в гостинице «Бургундия» начали появляться высокопоставленные сэры, интересующиеся – а когда?

У англичан и французов имелся сильный козырь – наша новая экономическая политика, должная вступить в силу уже через два с половиной месяца. Финансовую ситуацию в России они знали лучше нас, потому представляли, что для осуществления НЭП Советской власти потребуются кредиты. Они даже знали, что золотой запас Советской России составляет восемьсот девяносто тонн и не возражали, если хотя бы половина ушла в счет погашений долгов.

А еще русских денег хотят Бельгия, США, Италия. В один прекрасный миг я даже поймал себя на том, что одобряю идею мировой революции.

Один из членов палаты лордов важно попыхивая сигарой заявил – мол, если один человек берет займы у другого, то он должен возвращать долги, а не ждать, что ему дадут ссуду снова. Дескать – именно так полагается поступать порядочным людям.

Пока Георгий Васильевич собирался с мыслями, я успел написать записочку и подсунуть ее главе делегации, а Чичерин, скользнув взглядом по тексту и мгновенно сориентировавшись, сказал:

– Совершенно с вами согласен. Порядочные люди обязаны отдавать долги своим кредиторам. Но как порядочный человек отнесется к кредитору, который войдет в его дом, изнасилует его жену, убьет его ребенка, украдет вещи, а потом потребует вернуть долги?

Лорд от возмущения едва не подавился сигарой, англичане друженько встали и вышли из комнаты, а Георгий Васильевич пожал мою руку, сказав:

– Владимир Иванович... виноват, Олег Васильевич, у вас изумительное умение отыскивать правильные слова.

Пожимая руку народного комиссара, я скромно промолчал, что нацарапал слова самого Георгия Васильевича сказанные им через два года в Генуе. И главное – никакого плагиата. Эти слова, сказанные наркомом, войдут в историю как сказанные Чичериным. Кто знает, может, и в *той* истории рядом с Георгием Васильевичем находился толковый референт, подсказывавший нужные фразы своему патрону?

Переговоров с Польшей тоже не получилось. А в Париж подтянулись еще и представители Финляндии, из Крыма приплыл Богаевский, возжелавший пообщаться с нашим наркомом иностранных дел. И все: и Польша, и Финляндия, и Крымская республика желали получить как можно больше территории, но отказывались отвечать за долги и прежние обязательства. Боюсь, делегация уедет ни с чем. Но вслух я сказал:

– Наталья Андреевна, уже то хорошо, что мы начали торговаться. Мы что-то пообещаем, а может и выполним, они нам в чем-то уступят... В общем, торговаться гораздо лучше, чем стрелять друг в друга.

Бывший казначей эмигрантов задержался минут на десять. В принципе, опоздание допустимое, зато мы с Натальей успели доестъ шницели. Что ж, графская дочка права – шницель из телятины гораздо вкуснее, нежели из говядины.

К нашему столу подошел крепко сколоченный мужчина в пальто армейского образца и лихо сдвинутой на затылок шляпе. Бросив ее на соседний стул, незнакомец щелчком пальцев подозвал официанта, заказал аперитив и только потом удостоил нас вниманием.

– Приветствую вас, уважаемая мадам Натали, и вас, мсье. Я ограничился поклоном, а Наталья Андреевна довольно сухо сказала:

– Здравствуйте, товарищ Лаврентьев.
Пока Лаврентьев мелкими глоточками цедил зеленоватое

содержимое стакана, я успел внимательно его рассмотреть. Да, человек очень сильный, похож на отставного военного. Если из русских эмигрантов «первой волны», то это Иностраннный легион. Легион воевал с немцами, потом его перекинули в Турцию. А вот загар... У нас такой именуется «офицерским», но эта чернота приобретена не просто под солнцем, а под очень горячим солнцем, а на лице загар доходит ровно до середины лба, словно сверху лучам мешал тропический шлем. Северная Африка, Алжир, Марокко?

– Мадам, как говорят у вас в России, давайте расставим все точки над «і».

Меня сразу же кольнула фраза «у вас в России». Понимаю, что человек не был на родине очень давно, но русский человек даже на чужбине так не скажет.

– Товарищ Лаврентьев, согласно новой орфографии, в России теперь нет буквы и с точкой, – меланхолично сказала Наталья.

– Тогда извольте именовать меня не товарищ Лаврентьев, а мсье Лоран, – заявил бывший казначей. – Я пять лет отслужил в Иностранном легионе, у меня Военный крест за заслуги. Мое прошение о французском гражданстве пока не подписано, но оно уже рассмотрено и одобрено. Да и привык я за пять лет именоваться Лораном, а не каким-то Лаврентьевым.

Почему прошение, на которое имел право бывший легионер, до сих пор не подписано – понятно. У президента Тре-

твей республики власти гораздо меньше, нежели сейчас, но некоторые вещи имеет право сделать лишь президент – скажем, наградить орденом Почетного легиона, утвердить прошение о гражданстве. Президент Дешанель, победивший на выборах в январе тысяча девятьсот двадцатого года самого Клемансо, пропрезидентствовав всего девять месяцев, ушел в отставку (какой-то непорядок с головой, но это неважно), а нового Национальное собрание пока не выбрало. Кстати, эта неопределенность тоже сказывается на работе нашей конференции. Я уже говорил нашим, что президентом изберут Мильерана, но они сомневаются, опасаясь возвращения в большую политику Клемансо.

Ну да ладно, отвлекся.

– Как скажете, мсье Лоран, – улыбнулась Наталья. – Как говорит один мой знакомый – мне все равно, а вам приятно. Давайте-ка ближе к делу.

О как, один знакомый ей говорил... Да это я как-то брякнул.

– А к какому-такому делу, Наталья Андреевна? – сделал удивленный вид Лаврентьев-Лоран. – Какие общие дела могут быть у графини и купеческого сына? Или у большевички с сержантом?

– Лоран, вы переигрываете, – заметила Наташа. – Давайте коротко, по существу. Вам была поручена крупная сумма денег, а теперь ее нужно вернуть.

– А что будет, если я не пожелаю разговаривать с вами? –

усмехнулся бывший казначей.

– Например, я просто выстрелю вам в живот, вот и все, – улыбнулась Наталья.

Батюшки... а ведь и выстрелит. Ридикюль Наталья держит на коленях, рука в ридикюле... И что, у нее там браунинг? Ну, старая большевичка, мать твою! Мало тебя в детстве ремнем лупили. Придем в пансион, я сам тебя отлуплю как Сидорову козу.

– Верю, Наталья Андреевна, что вы способны выстрелить, – кивнул Лаврентьев-Лоран, став серьезным. – А что дальше? Денег вы не получите, вас и вашего молодого человека немедленно арестуют. Здесь Франция, а не Россия. Я буду мертвым, а вы до конца своих дней останетесь в ильдю-салоу.

– А мне плевать, – заявила Наталья. – Дело, Лаврентьев, вовсе не в деньгах. Сто тысяч франков для партии большевиков, как говорят у нас, (выделила она) в России – плюнуть и растереть. Дело в принципе. Никто не может воровать деньги у коммунистической партии большевиков! Понимаете? Касательно же острова дьявола, которым вы нас пугаете... Лаврентьев, вы идиот. Вы же должны знать, что в Париже русская делегация, так? У нас с молодым человеком имеется дипломатический иммунитет. Самое большое, что с нами сделают – подержат недели две в тюрьме, а потом депортируют в Россию. Я в тюрьме бывала, а мой товарищ, – кивнула она на меня, – побывал в лапах двух контрразведок.

Нам с ним к тюрьмам не привыкать.

Я сидел едва ли не открыв рот. Так ведь она же его ломает! Врет и не краснеет. Беру свои слова о порке обратно! Нет, определенно ей нужно работать в ВЧК.

– Тогда стреляйте, – глухо произнес Лаврентьев. Подняв округлившиеся от бешенства глаза начал говорить: – В четырнадцатом я хотел воевать за Россию, а путь туда был закрыт. Я записался добровольцем в Иностранный легион. Три года я воевал, два года учил в Сенегале бесхвостых мартышек (а... так вот откуда загар! Лаврентьев готовил сенегальских стрелков) и теперь имею право жить как человек, как француз. Сто тысяч франков – это дом, это семья. Потому – лучше стреляйте.

А парень не трус. А то, что деньги любит больше жизни – бывает. Лаврентьев допустил одну большую ошибку – явился на встречу, хотя мог послать всех подальше. Дескать, не видел я ваших франков. Значит, у него имеются остатки совести? Нет, здесь что-то другое... Все-таки, он чего-то опасается.

А у нас тупиковая ситуация. На всякий случай я прикинул путь к отступлению. Так, посетителей немного, до выхода я Наталью утащу. Фигня, прорвемся. Но из Парижа придется делать ноги, и Чичерина ни в коем случае нельзя подставлять. В крайнем случае, нужно выкинуть на улицу Наташку, а самому остаться, прикрыть. Ага, вон с того столика можно ухватить бутылку, сделать «розочку». Но лучше

обойтись и без выстрелов, и без мордобоя. Так... Думаем. Лоран – это же калька с фамилии Лаврентьев? Да, Жан Лоран звучит красивше, чем Ванька Лаврентьев. Парень ужасно хочет стать французом... Ха... Пожалуй, пора вмешаться.

– Наталья Андреевна, у господина Лорана может создаться превратное впечатление и о нас с вами, и о партии большевиков, – произнес я, а когда две пары изумленных глаз посмотрели на меня, продолжил. – Наталья Андреевна абсолютно права – воровать некрасиво. Но вас никто не собирается убивать. Напротив. Я сегодня же попрошу руководителя нашей делегации... Нет, зачем же руководителя делегации? Народный комиссар иностранных дел – мелковато. Так вот, сегодня же я свяжусь с Москвой, попрошу товарища Ленина прислать официальную телеграмму в канцелярию президента, в которой Совнарком поблагодарит бывшего подданного Российской империи Ивана Лаврентьева, а ныне кандидата в полноправного гражданина республики, кавалера боевых наград, ветерана Иностранного легиона мсье Жана Лорана за сохранение средств русских коммунистов. Заметьте мсье Лоран – в телеграмме будет сказана чистейшая правда. Деньги вы сохранили? Да, сохранили. А то, что вы их присвоили, это другой вопрос. И что потом с вами станет, уже никого не волнует.

Надеюсь, русскоговорящих посетителей кроме нас здесь нет. А если и есть, то в кафе уже создан необходимый шумовой фон, и то, что говорят за соседними столиками уже

никого не волновало.

Мои собеседники какое-то время осмысливали сказанное. Наташа поняла ее суть на несколько секунд раньше, чем Лаврентьев. Улыбнувшись, она демонстративно вытащила из-под стола ридикюль и щелкнула замочком.

– Олег Васильевич, а ведь вы правы, – сказала Наталья, поднимаясь с места. – Зачем нам кого-то убивать физически? Пожалуй, мсье Лоран, мы попрощаемся...

– Подождите, – встрепнулся ветеран Иностранного легиона. – Так нечестно.

– Почему? – удивленно вскинула брови Наташа. – Вы украли деньги, и что?

– Но я же тогда не получу гражданство! – вскинул руки ветеран-орденоносец.

– Нас должно волновать ваше будущее?

– И мало того, что вы не получите гражданства, – добавил я, – так еще и журналисты выяснят всю вашу подноготную, включая дружбу с самим товарищем Лениным, а французские акционеры, потерявшие деньги в России, узнав о ваших сбережениях, будут очень недовольны. Боюсь, у вас еще и потребуют отчета об источнике ваших средств.

– Но у меня нет таких денег! Пятьдесят тысяч я потратил, чтобы купить квартиру, десять ушло на обстановку, – нервно заявил Лаврентьев-Лоран.

– А давайте, Наталья Андреевна, дадим господину Лорану два дня, – предложил я от всей души. – За это время у

него могут возникнуть какие-то мысли. Да, кстати, — сказал я, сделав вид, что эта мысль только что пришла мне в голову. — Я видел около Люксембургского дворца объявление об аукционе. На продажу выставят картины из коллекций Уде и Канвейлера. Там, сколько помню, будут Матисс, Пикассо, Брак, Дерен, кто-то еще. Картин очень много, поэтому уйдут по дешевке. Матисс — дороговато, но пару картин вы осилите. Пикассо — по триста-четырееста франков, Брак чуть-чуть подешевле, а Дерен — тот вообще за сто франков уйдет. Вы купите сорок, а, так и быть, тридцать картин, передаете нам, и мы в расчете. Наталья Андреевна вам даже расписку даст, можем ее печатью заверить.

Глава третья. Немного о картинах

Чтобы привести в порядок нервы, мы с Натальей решили прогуляться.

– Ты стала бы стрелять? – поинтересовался я.

Наталья Андреевна с удивлением посмотрела на меня.

– Володя, я похожа на дурочку?

– Но ты была очень убедительна, даже я поверил. Начал продумывать пути отхода.

– Выстрелить несложно, а что потом? Да, а что нам в этом случае делать?

Наталья Андреевна с любопытством обернулась ко мне, и я, слегка замедлив шаг, начал перечислять менторским тоном:

– Для начала нам следовало бы оказаться как можно дальше от кафе. Полиция прибывает на место происшествия минут за тридцать, а то и за час. Времени скрыться у нас вагон и маленькая тележка. Такси или извозчика брать не стоит, лишний свидетель, лучше пешком дойти до станции метро. Идти спокойно, не суетясь. По дороге избавиться от оружия, желательно по частям. В идеале – каждую деталь утопить в Сене. Оружие – главное доказательство.

– А разве не свидетели? – перебила меня Наташа. – Кто-то в ресторане мог нас запомнить. Тем более, мы говорили по-русски. Как говорят – круг сужается.

– Вполне возможно, – пожал я плечами. – Молодые муж-чина и женщина, говорившие по-русски, а что еще? Таких парочек в Париже – тьма. Первые три дня полиция станет рыть носом землю, потом все утихнет. Как правило, в девя-носта случаях из ста преступления раскрывается по горячим следам – то есть, сразу. Убийца женщина, стало быть, глав-ная версия сыщиков – преступление на почве ревности. Ста-нут вскрывать все связи покойного, искать обманутых жен-щин в его окружении. На всякий случай перетрясут местных сутенеров, проституток. Лаврентьев не депутат, не генерал и даже не адвокат, покамест даже не гражданин Франции, чтобы тратить на него время, а в Париже каждый день ко-го-нибудь убивают. Дня через три-четыре искать перестанут. А с течением времени раскрыть подобное убийство можно только случайно – если мы сами начнем хвастать направо и налево. Правда, есть одно слабое звено... – Я взял паузу, а Наталья от нетерпения принялась дергать меня за рукав. – Владимир, не томи!

– Слабое звено – наша хозяйка.

– При чем здесь мадам Лепети?

– Я уже обратил внимание, что наша хозяйка любит чи-тать бульварные газеты. Дело похвальное, но она начинает чтение с последней страницы, где объявления. А у француз-ской полиции есть обыкновение помещать среди объявлений свои ориентировки.

– Ориентировки?

Ну вот, опять прокол. Термин войдет в употребление гораздо позже, после Великой Отечественной войны. Придется разъяснять.

– Ориентировка – тоже своего рода объявление, только о розыске подозреваемых. Там их приметы, могут еще и рисунок поместить, фотографию, если есть. Теперь представь себе: читает наша хозяйка газету, а там бац – объявление. Мол, полиция разыскивает мужчину и женщину, лет тридцати, роста среднего, особых примет нет, одетых так-то, с высокой долей вероятности – русских, подозреваемых в убийстве героя Великой войны, кавалера Военного креста. У нашей хозяйюшки в мозгу – щелк, а где же были мои постояльцы в момент убийства? Она идет к телефону, набирает номер полиции. Здесь, конечно, шанс небольшой, но он есть.

– Если есть шанс, значит я правильно сделала, что не стала стрелять, – пришла к выводу Наталья Андреевна, потом добавила. – К тому же, я не исполнитель и не палач. В мою задачу входило лишь узнать судьбу денег, а судьбу Лаврентьева должен решать исполком Коминтерна.

Судьбу должен решать Коминтерн? Хм... Пока Наташа доедет до Москвы, выступит на заседании исполкома (а его еще надо собрать), начнут решать... За это время отставной сержант успеет все распродать и умотать куда-нибудь в Рио-де-Жанейро, где сразу же приобретет себе белые штаны. Темнит что-то, дорогая графинюшка. Есть у меня подозрение, что ты сама должна была решить судьбу бывшего каз-

начая. Или уже получила своего рода индульгенцию в случае надобности. А уж связаться с «исполнителями» – это чисто техническая задача.

Дошли до Сите, прошли через мост, а ноги сами понесли нас к собору Парижской богородицы. Молча постояли, полюбовались на готическую красоту. Из полуоткрытых дверей под аккомпанемент органной музыки доносилось пение – изумительно чистое, филигранное.

– Постоянно открываю в тебе какие-то новые стороны, – хмыкнула Наташа.

– Ты о чем? – пожал я плечами, сделав вид, что не понял. – Я тут парочку топтунов узрел. Вон, стоят и делают вид, что химеру рассматривают, а ее отсюда все равно не видно.

От самого ресторана за нами целеустремленно топали двое мужчин самой подозрительной внешности, а я пытался определить – сидели ли они вместе с нами в зале или увязались потом? И кто это может быть? На одном парне широкополое пальто, второй одет в рабочую блузу. На обоих кепки, вошедшие в моду среди молодых мужчин. Выбор широкий: французская сюрте, спецслужба кого-то из участников переговоров, а то и люди Лаврентьева. Более простой вариант – гавроши-переростки, вышедшие на работу. Апашей уже ликвидировали, но свято место не бывает пусто. Одолжить у Натальи браунинг или обойтись «орудием пролетариата»? Вон, мостовую давно не ремонтировали, булыжник так и просится в руки. Оказалось, опасался я зря.

– Не обращай внимания, – отмахнулась Наталья. – Это свои.

– Типа – твоя охрана?

– Володя, ну что поделаться? Я не последнее лицо в Коминтерне, и на некоторых мероприятиях меня должна сопровождать охрана. Не мной придумано.

Ладно, будем считать, что я верю, что парни только охрана, а не потенциальные палачи. Дать им сигнал – пара пустяков, а проштрафившийся казначей сегодня не дошел бы до дома. Вполне возможно, что я сегодня спас жизнь Ваньке Лаврентьеву, мечтавшему стать Жаном Лораном. Да, а ведь он поверил, что Наталья способна выстрелить. Получается, я еще много чего не знаю о любимой женщине. А, пожалуй, что и не стоит знать. Ну его нафиг, лишние знания.

Вечером, когда мы уже получили нагоняй от мадам Лепети за неявку к ужину, помылись и лежали в постели, словно супружеская пара, прожившая вместе энное количество лет, Наташа спросила:

– Володя, спасибо тебе, что нашел изящный выход из ситуации, но что мне теперь докладывать исполкому? Допустим, Лаврентьев напуган, и завтра побежит скупать картины, притащит их нам. Да, нужно будет попросить товарищей, чтобы они ему адрес оставили, куда картины везти.

– Лучше бы дать какой-то нейтральный адрес, не наш пансионат и не «Бургундию».

– С этим-то я решу, не проблема. Ты мне скажи лучше...

Вот, я приезжаю в Москву, докладываю. Мол, вместо ста тысяч франков взяла тридцать картин стоимостью... ну, сколько они станут стоить? Ладно бы только твои любимые импрессионисты, Мане и прочие, смогли бы отбить деньги, а так? Пикассо еще что-то и стоит, а остальные? В лучшем случае, получим тысяч десять. Смысла не вижу продавать, больше возни. И куда мне с ними? Тащить в Россию? Что там с ними делать, если музеи закрыты?

– А ты их мне отдай. Не мне лично, разумеется, а ВЧК, – предложил я. – Коминтерну доложишь, что отдала деньги на нужды чрезвычайной комиссии, с Дзержинским я договарюсь, он подтвердит. Годится такой размен?

Наталья Андреевна задумалась. Поправив одеяло на плечике, кивнула:

– Если Дзержинский подтвердит – то все в порядке. Спешем деньги на нужды пролетарской революции в России. Но я понять не могу – вам-то они зачем? Развешаете по кабинетам?

Я представил, что в столовой на Лубянке висят натюрморты Брака, выполненные в стиле кубизма, и тихо заржал. Народ, разглядывая такие непонятности, вообще есть перестанет. А в допросной у Артузова можно разместить что-нибудь из Матисса – кошечек там, рыбок в аквариуме.

– Ты чего? – удивилась Наталья.

– Представляешь – заходишь в кабинет Дзержинского, а у него за спиной – «Девочка на шаре» или «Авиньонские

девицы».

Наталья прыснула. Правда, скоро взяла себя в руки.

– Нет, Володя, я все равно не понимаю. Ты потащишь тридцать картин через все границы? Понадобятся документы на вывоз. Сдавать в багаж – дорого, а как ты их разместишь в купе? Я же знакома с коллекционерами – транспортировка, порой, половину цены составляет.

– Наташ, так я их вообще никуда не потащу. Зачем? Проще забронировать сейф в каком-нибудь банке, поместить туда картины, подождать годиков пять, лучше десять, а потом уже продавать.

– Думаешь, они вырастут в цене? – догадалась Наталья, но потом опять-таки засомневалась: – Все равно, никак не могу понять. Это же для ВЧК лишние хлопоты. Зачем? Если деньги нужны, проще дать заявку в Совнарком, выделяют. Вы же работаете внутри страны. А так, мотаться туда-сюда, договариваться с НКВД. Хлопотно.

– А зачем мотаться туда-сюда, договариваться? И работаем мы не только внутри страны, но и за рубежом. Считай, что я делаю долгосрочный вклад для ВЧК. Картины – это та же валюта.

Имея под рукой несколько картин известных художников, можно сделать много чего интересного. Например, мне позарез нужно заплатить хорошему человеку, предоставившему любопытные сведения с секретного заседания кабинета министров. Отдать ему деньги в конверте проблематично, от-

крыть счет в банке – тоже. Франция – едва ли не рекордсмен по уровню коррупции, и у высокопоставленных чиновников (а кто же еще мне секреты продаст?) порой интересуются – откуда денежки? Мол, мсье, укажите источник. А так – все легально. Человек получает в подарок картину (имеем право!), станет ее официальным владельцем (вот и бумага соответствующая), отдает полотно на ближайший аукцион. А кто виноват, что сидящие там X и Y неожиданно завьсят цену раз в десять, а то и в сто? Тоже их право. А источник их средств, лежащих в кармане, никто не спросит, равно как и имя с фамилией. Владелец картины получит деньги, отдаст десять процентов аукционисту и будет счастлив. Деньги он получил легально, заложенные в стоимость налоги мы тоже учтем, а картина вернется в распоряжение ИНО ВЧК.

И спасибо беглецу Резуну-Суворову за идею. Он, конечно, сволочь изрядная, и высшую меру наказания заслужил, но мысли интересные подкинул².

Обо всех тонкостях я Наташе рассказывать не стану, их еще следует обдумать и доработать, но она девушка умная.

Но Наталья Андреевна не только умна, но еще и сотрудница Коминтерна и не просто начальник отдела, о чем я знал, но кто-то повыше. Судя по телохранителям – из числа руководства с допуском к очень большим секретам. Разве что пока отсутствовала, могла выпустить из виду кое-какие новости. Но это не помешало ей осознать главное.

² Те, кто читали «Контроль» Виктора Суворова меня поняли.

– Володя, как я поняла, ВЧК обзавелась-таки собственной заграничной разведкой? И ты, судя по всему, теперь не в особом отделе, а в заграничном, или как его назвали?

– Иностранный отдел ВЧК при НКВД. Сокращенно – ИНО.

– Как я понимаю, не рядовой сотрудник? Не удивлюсь, если узнаю, что ты теперь начальник ИНО. Да? Поздравляю. – Наталья, в качестве поздравления, чмокнула меня в нос, а потом сообщила: – Возможно, тебе будет интересно узнать – Коминтерн выступал категорически против создания внешней разведки ВЧК, но Дзержинский настаивал. Стало быть, Ленин с ним согласился? Да чего и спрашивать. Раз разведка создана, значит Владимир Ильич не против.

– А почему Коминтерн был категорически против?

– Володя, не забывай, что многие наши товарищи, особенно из старых большевиков, категорически противились созданию ВЧК. Чрезвычайная комиссия очень напоминает политическую полицию, а у нас к ней, сам понимаешь, особой любви нет. Считали, что ВЧК – необходимая, но временная мера. Есть опасность, что комиссия просто подомнет под себя и партию большевиков, и само пролетарское государство. Надеялись, что если ее возглавит старый политкаторжанин Феликс Эдмундович, то она не превратится в монстра. Пока Дзержинскому удастся удерживать своих сотрудников, но где гарантия, что монстр не вырвется на свободу?

Я немного обиделся на монстра, но промолчал. Кое в чем

Натаалья права, но ВЧК никогда не подмять под себя государство, а уж тем более – партию.

– А что не так с заграничной разведкой?

– Загранразведка ВЧК по сути своей политическая разведка. Стало быть, наша политическая полиция станет держать под контролем членов партии большевиков не только внутри страны, но и за рубежом. Кроме того, существует Коминтерн, который тоже решает задачи разведки. Наши люди занимаются освещением политической линии каждого государства и его правительства по вопросам международной политики. Зачем создавать лишнюю структуру?

– Наташа, у нас и Коминтерна немного разные задачи. У вас, скажем так, наступательные, а у нас, скорее, оборонительные. У вас, прежде всего, доминируют вопросы связанные с мировой революцией. Кто ей станет помогать, а кто мешать. Общая ситуация, группы, их готовность к вооруженной борьбе. У нас покамест первой задачей является выявление контрреволюционных организаций на территории иностранных государств – всякие там белогвардейцы, эмигранты. Опять-таки, если Коминтерн освещает общие вопросы международной политики, то мы должны выявлять их намерения в отношении России, получать сведения об их экономическом положении. У вас задачи глобальные, у нас гораздо уже – защита Советской России. Не будет России, не будет и мировой революции. Значит, по сути своей, мы работаем на мировую революцию, на Коминтерн. Так?

– Вот ведь хитрый какой, подвел базу, – усмехнулась Наташа, поворачиваясь ко мне лицом и обнимая.

– А ты говоришь – монстры мы... я разве похож на монстра? – хмыкнул я.

– Володя, на монстра ты не похож. О тебе много что нехорошего говорят, но для Ленина и Дзержинского, да и для других, а их немало, ты образец настоящего чекиста. Честный, добросовестный, смелый. А еще, что немаловажно, дисциплинированный. Володя, я тебя очень люблю, но до сих пор не могу понять: как ты в такой короткий срок из хамоватого и полуграмотного парня превратился едва ли не в гения? А что будет дальше? С твоим умом, способностями, ты способен стать таким монстром, что подомнешь под себя и Ленина, и Дзержинского.

– Дура ты, Наталья Андреевна, – хмыкнул я.

Наташа слегка опешила. Кажется, раньше я её никогда дурой не называл. А вообще, мог ли кто-то назвать графиню дурой? Она даже убрала свою руку и слегка отодвинулась. Прячась под одеяло, обиженно спросила:

– Объясните, Владимир Иванович, почему же я дура?

– А потому, что я тебе уже не раз объяснял – все мои метаморфозы из-за тебя. Да, был дурак малограмотный и хам редкостный, но влюбился. А что дальше делать, если любимая женщина и умная, и красивая, да еще и член РКП (б) с... не помню точно, но с какого-то года? Вот, стало быть, Наталья Андреевна, выбор-то небольшой. Не то дураком оста-

ваться, не то в царевичи переквалифицироваться. Так что если захочешь, чтобы я монстром стал, то я им и стану.

— Царевич череповецкий, — раздалось из-под одеяла довольное фырканье. — А в партии большевиков я с одна тысяча девятьсот третьего года, пора бы запомнить. Вы, товарищ, еще под стол пешком ходили, писались под себя, а я уже листовки расклеивала и к первой ссылке готовилась.

— Вот видишь, что получается, если непутевые дочери всяких князьёв и графьёв в революцию идут — листовки не тем местом приклеивают, народ не туда заводят и бомбы не в те окна бросают.

— Да я никогда бомбы не бросала! Не наш это метод, не большевистский, — возмутилась «старая большевичка», выбираясь из-под одеяла. — Что это за молодое пополнение партии большевиков, если оно своих предшественников с эсерами путает? Нет, тебя нужно из партии исключать. Мы террористами не были, но я из-за тебя стану. А еще лучше я тебя сейчас подушкой придушу, будешь знать... Ах ты, юный мерзавец, куда с меня одеяло-то потащил...

Глава четвертая. Бело-голубые

Наталья сразу же после завтрака отправилась к родителям за чемоданами. Еще и поняла, что второй день без сменной одежды. Опять вспомнился ее бесформенный пиджак и старая блуза, в которых она ходила в Череповце будучи редактором губернской газеты. Эх, женщины... Она предлагала и мне составить компанию, но я отказался. Пока не готов к знакомству со старорежимной аристократией. Мало ли, не тот нож возьму или начну вилкой в зубах ковыряться. Да и дела у меня. Договорились, что встретимся вечером, потом вместе прогуляемся вдоль Сены.

Сегодня воскресенье, никаких мероприятий нет, но мне все равно нужно на службу. Не на дипломатическую, на иную. Подробно рассказывать не хочется, моя б воля, вообще бы об этом не говорил, но придется. Советский человек, разумеется, самый лучший и надежный человек в мире. Беда только, что советскими мы стали совсем недавно, и лезут, понимаете ли, всякие ростки капитализма. Поэтому задача чекиста – не позволить враждебной флоре проникнуть в неокрепшие души, а если что и проникнет, то рвать тлетворную заразу напроочь или отрубать, а иначе зараза может расползтись дальше. Значит, моя задача контролировать наших дипломатов не только в рабочее время, но и во все остальное время суток.

А если серьезно, то все и проще, и сложнее. То, что членов нашей делегации в Париже начнут «обрабатывать» по-одиночке, понятно не только дипломату, но и ежу. Интересно же, о чем разговаривают советские дипломаты в кулуарах, какие у них намерения, какие инструкции получает Чичерин из Москвы. Любая информация может пригодиться как полякам, так и французам. А если поблизости вынырнут представители других держав, имеющих виды на Россию, то количество желающих «пообщаться без протокола» увеличится многократно. И англичане могут появиться, и немцы. Кстати, еще и венгры могут объявиться, этим-то тоже любопытно. Еще не стоит сбрасывать со счетов журналистов. Не факт, что все журналисты трудятся на разведку, но они и без этого могут так навредить, что мало не покажется.

Еще в Москве у меня состоялась беседа с Дзержинским, потом с Чичериным. Договорились так: ежели кого-то из наших товарищей приглашают на конфиденциальный разговор, предлагают оплатить обед, знакомят с красивой женщиной – вежливо, но очень твердо отказаться. И в обязательном порядке обо всех инцидентах докладывать Чичерину или мне. Опять-таки контакты с журналистами, неважно, представляют ли они капиталистическое издание или трудятся на демократические СМИ, только через руководителя делегации. В крайнем случае, через Керженцева.

У меня первоначально мелькала дурная мысль разрешить советским дипломатам обедать за чужой счет, сэкономив

франки для государства, ничего при этом не обещать и не гарантировать, а самим попытаться что-то выведать, но мысль как пришла, так и ушла. Не сумеет человек, не имеющий подготовки, выведать планы собеседника, особенно если перед ним профессиональный разведчик (а нам таких и подсунут), а вот то, что сам проговорится – это точно. К тому же могут сказаться особенности русского менталитета – если тебя кормят и поят за чужой счет, начинаешь чувствовать себя обязанным, а после второй бутылки хорошего вина сосед за столик покажется тебе другом и братом.

Покамест из четырнадцати членов миссии приглашение на обед получали трое, двоих звали на дружеский ужин. И во всех случаях это были французы. Впрочем, это еще ни о чем не говорит. Майор Мацкевич, как-никак, ученик галлов, а учителя всегда помогают ученикам. А раз агентуры у меня нет и появится не скоро, приходится самому.

Я уже говорил, что члены дипломатической миссии определялись на жительство согласно некоему табелю о рангах³. Чичерин и Керженцев обитали в «Бургундии», заняв не только лучшие номера, но и малый банкетный зал, превращенный в зал для переговоров, а остальных товарищей расселили в другие отели. В «Конкордию» определили троих, троих в «Ризетту», четверых в «Анри». Стало быть, хотя

³ Отмечу, что формально все члены делегации (кроме Чичерина, разумеется, являвшегося наркомом) были равны. Согласно декрета СНК РСФСР от 4.06.1918 г. все дипломатические ранги отменялись и все дипломаты, работавшие за границей, именовались полномочными представителями.

обитают в разных отелях, но более-менее кучно, а вот нам двоим повезло чуть меньше. Меня, как помните, определили в пансионат, а Андрея Скородумова в гостиницу «Виолетта». Так себе гостиница, но есть и швейцар при входе, и расположилась всего в двух кварталах от нашей штаб-квартиры.

С теми, кто жил «кучно», проблем нет – они сами себя контролировали, а заодно и друг друга, делились со мной некоторыми соображениями. Правда, пока интересного мало. Подумаешь, Сергей Кривич (он занимается спорными экономическими вопросами) явился ночевать в «Ризетту» не один, а с Марселой. Ничего страшного – правильная ориентация у человека, а потерпеть, или воспользоваться «Дунькой Кулаковой» не захотел, но знать я об этом должен. Почему? А потому, что должен, вот и все. А заодно разузнать, что Марсела девушка хорошая, вино с клофелином не мешает, а за услуги берет десять франков. Десять франков – вполне нормально, если бы брала двадцать, то пришлось бы задуматься – откуда Кривич взял деньги?

Так что в прочие отели можно и не ходить, а вот навесить «Виолетту» следует, тем более что там на посту швейцара трудится мой новый друг Дорофей Данилович. Имечко для французского слуха тяжеловато, потому его переделали в Дадди. Я же именовал только по имени-отчеству, уважительно, Сам же представился Всеволодом Владимировым, работающим во Франции журналистом русского происхож-

дения. Можно назваться и Максимом Исаевым, но решил сберечь псевдоним для следующего раза.

В недавнем прошлом Дорофей Данилович работал цирковым артистом, да не простым, а силовым акробатом, борцом. Однажды даже едва не уложил на лопатки самого Ивана Поддубного и непременно бы уложил, если бы Поддубный не уложил его сам. Увы, век силовика недолог. Как-то раз в угоду капризной публике Теченин попытался побить мировой рекорд по подъему штанги, но малость не рассчитал, а в результате – перелом позвоночника, несколько месяцев на больничной койке. Сволочь антрепренер хоть и оплатил лечение, но кинул инвалида в чужой стране без копейки денег, а там война, революция. О продолжении карьеры можно и не мечтать, а какой-то сносной профессии нет. Да что там – вообще никакой нет. Пойти в ресторан вышибалой не позволяло здоровье, стать сутенером – плохое знание языка, да и конкуренция слишком высока, прирежут, не посмотрев на прошлые спортивные достижения. Пришлось мыть посуду за два франка в день и обеды – это уже край, но повезло – коренные французы уходили на фронт, освободилось место швейцара. Малость освоился, снял квартиру, женился. Но хозяин гостиницы – такая сволочь, хуже антрепренера, за жалкие четыреста франков в месяц заставляет работать ежедневно, от заката и до восхода, отчего Дорофей почти не видится с женой работающей по ночам.

С Дорофеем Даниловичем мы познакомились просто. Я

задал вопрос по-английски, он ответил по-русски. Похоже, даже меня куда-то послал или мне слышалось, но неважно. Земляки на чужбине, как родня.

Увы, в остальных отелях, где разместили наших дипломатов, швейцары не говорили по-русски, а их английский оставлял желать лучшего.

Поверил ли мне швейцар или решил, что я член какой-нибудь антисоветской организации, не знаю, он меня не спрашивал, зато мы быстро договорились, что если Данилыч станет информировать меня о поведении нашего соотечественника, то я ему заплачу небольшую денежку. Скажем, если ничего интересного не случилось, то пять франков. А вот ежели новость заслуживает внимания – побольше.

Пять франков вроде и небольшая сумма, но с другой стороны – полноценный обед, а делать-то ничего и не надо.

За неделю я уже в третий раз захожу проведать Данилыча, покалякать с ним о житье-бытье, поплакать о занесенной снегом России, посетовать на скверный вкус граппы и порассуждать об упадке нынешних нравов. В первые два визита я лишь избавился от двух банкнот, но ничего дельного не узнал.

– Вроде, за субботу ничего не случилось, – грустно сказал Дорофей Данилович, поглядывая на зажатую в моей ладони бумажку.

– Совсем ничего?

Бывший циркач задумался, пожал плечами.

– Вечером твой дипломат на бровях вернулся, так ведь это неинтересно?

– Сам вернулся, или товарищи привели? – вяло спросил я. Действительно, эка невидаль, советский дипломат на бровях. В НКВД тоже понабрали всяких-разных, лишь бы образование имел и был предан делу революции. Товарищу Чичерину свой аппарат еще не один год чистить, а пока приходится работать с теми, кто есть.

– Не, не привели, его машина привезла, – сказал Данилыч, потом добавил. – И не такси.

Машина и не такси? А вот это уже любопытно.

– А что за машина?

– Так хрен ее знает, я в марках не разбираюсь, а номер мне отсюда не видно. Черная такая, большая. Флажочек какой-то на капоте.

Услышав о флажочке, я сделал стойку, словно борзая.

– Флажочек чей? Какой страны?

– А хрен его знает. Их за последние годы столько развелось, государств-то всяких, откуда их флаги упомнишь? Вроде, похож на шведский или греческий. Я такого раньше не видел, хотя в былые времена к нам разные люди ходили, и из посольств, и мы в разных странах выступали, и флагов понасмотрелись.

Чтобы Данилыч не увлекся, путившись в бесконечные рассказы о своих турне и победах, я демонстративно закашлялся, и мой информатор спохватился.

– Точно, на греческий, только наоборот.

Греческий, только наоборот? Это как? Тьфу ты, так это же флаг Финляндии. У греков белый крест на синем фоне, а у финнов синий на белом.

– А, вот еще что. На неделе портье отлучился, животхватило, попросил меня постоять, телефон послушать, мало ли что. И тут звонок, а на том конце провода – дескать, господина Андреаша Скородумова, будьте добры. Говорили по-французски, а акцент не то немецкий, не то шведский.

– А почему про телефон ничего не сказал?

Швейцар виновато пожал плечами.

– Не подумал что-то, а потом подзабыл. Я только трубку взял, послушал, а там портье из уборной пришел, он за Скородумовым и ходил. У нас раньше мальчишка служил и за коридорного, и за рассыльного, а теперь хозяин на всем экономит. Я, вон, чемоданы в номера таскаю, а что делать? И чаевые жопят, порой кинут как собаке двадцать сантимов, так и этому рад.

Я молча отсчитал Данилычу три бумажки по десять франков. Можно бы и все пять, но жирно будет. Спросил еще:

– Да, Дорофей Данилович, а еще кто-нибудь кроме меня постояльцем не интересовался?

– Ажаны, что ли? Не-а, если бы интересовались, меня бы в первую голову и спросили. И шпикив переодетых я тоже не видел, узнал бы. – Я добавил к тридцати франкам еще пять. Заработал швейцар. – Токмо, уговор такой. Коли ты

кончать дипломата станешь, чтобы не в нашем отеле. Понял? У нас отель приличный, неприятностей нам не надо. Скородумов-то твой, чекист небось, а ты его тут и пасешь, поквитаться за что-нибудь хочешь? Смотри, Севка, – пригрозил швейцар увесистым кулаком. – Я хоть и плохой совсем, но, если ажаны трясти начнут – не погляжу, что земляк, а руки и ноги тебе поломаю. Уж на это у меня силы хватит.

Похлопав швейцара по плечу, я ушел. Не знаю, чего это отставной циркач на плохое подумал, но разуверять я его не стал, равно как и просить Данилыча помалкивать обо мне. Сам не дурак.

Итак, можно ли вообще доверять рассказу швейцара? В идеале, стоило бы проверить, установить наблюдение за Скородумовым и убедиться в достоверности, но сие нереально. Значит, придется положиться лишь на слова Данилыча. Впрочем, врать бывшему циркачу нет смысла, захотел бы срубить бабла, придумал бы что-нибудь позаковыристей, а не машину с флажком. Добавляло уверенности в его искренности и телефонный звонок, и голос с акцентом. Слегка смущало, что финны не взяли такси, которых в Париже несколько тысяч, а повезли Скородумова на посольском авто. Провокация? Или неосторожность? Вполне возможно, что ни сам Скородумов, ни его конфидененты не рассчитывали на столь пристальное к ним внимание. Про ВЧК они знают, но оно далеко. Французские органы правопорядка могли вообще во внимание не принимать, хотя к нашей делега-

ции наверняка приставлены люди из Сюрте либо из национальной жандармерии. Правда, сам я слежки не обнаружил, но это вовсе не означает, что ее нет. Ко мне, положим, могли и не приставлять, кому нужен советник по культуре? А к Скородумову? Ажанов или шпики в штатском Данилыч не видел. Стало быть, не проявили интереса. Андрей, в основном, выполнял небольшие поручения Чичерина – и депешу в какое-нибудь министерство отнести, и в магазин сбегать, и свежую газету купить. Помнится, Георгий Васильевич отправлял его в Национальную библиотеку посмотреть какие-то сборники документов. И французским владеет великолепно. Парень смазливый, и было у меня подозрение, что Георгий Васильевич ему немножко симпатизирует. Ну, вы меня поняли.

Хм, а ведь вполне могли финны Скородумова заприметить, а если с парнем поговорить по душам, он много что интересного может рассказать.

Значит, что мы в данный момент имеем? А имеем мы несанкционированную встречу советского дипломата с финскими дипломатами. Стоп. А почему несанкционированную? Может так быть, что народный комиссар и глава делегации поручил товарищу Скородумову встретиться с финнами в неформальной, так сказать, обстановке, не поставив меня в известность? А запросто. У Георгия Васильевича может быть свое видение решения дипломатических проблем, в котором ВЧК не отведено места. Значит, для начала пого-

ворю с наркомом.

С этой мыслью я и отправился в отель «Бургундия», где на втором этаже в номере люкс (что означало наличие не только спальни, а еще гостиной и кабинета) обитал Георгий Васильевич.

Разумеется, народный комиссар иностранных дел в этот день не отдыхал, а работал.

– Олег Васильевич, прошу покорно меня извинить, – извинился деликатный нарком при моем появлении. – Если у вас что-то не очень срочное, давайте завтра. Вот, видите, – кивнул Чичерин на стол, заваленный письмами и бумагами, – прибыл дипкурьер с почтой.

В сущности, мое дело могло и подождать, но раз уж я пришел, то спрошу.

– Георгий Васильевич, мне нужно всего две минуты. Пожалуйста, ответьте, вы поручали кому-нибудь встретиться с финскими дипломатами?

Чичерин оторвался от бумаг, посмотрел на меня и, как мне показалось, ответил с некоторым раздражением:

– Олег Васильевич, нарком иностранных дел действует строго в рамках тех полномочий, которые ему дает глава правительства. Так вот, от Владимира Ильича никаких инструкций касательно наших финских соседей не поступало, соответственно, я не имею права вести никаких переговоров с финскими дипломатами, а уж тем более, поручать своим сотрудникам конфиденциальные встречи. Если вам интерес-

но – товарищ Керженцев по моему поручению обсуждает с французскими дипломатами вопрос о юридическом признании Советской России, но это только предварительное обсуждение, не более, и они санкционированы Совнаркомом.

О переговорах с французами я знал. Ничего нового.

– Благодарю вас, Георгий Васильевич, – поднялся я с места. – Это все, что мне хотелось узнать.

Я уже собирался уйти, но Чичерин остановил меня.

– Олег Васильевич, у вас есть сведения, что кто-то из нашей миссии ведет собственные переговоры с финнами?

– Не хочу врать, но данных о переговорах у меня нет, – не стал я кривить душой. – Получена информация, что один из советских дипломатов встречался с кем-то из сотрудников финского посольства. И встреча произошла не случайно, а целенаправленно, по приглашению. Естественно, мне еще предстоит проверить эту информацию.

Кажется, услышав новость, Чичерин расстроился. Еще бы. Кому понравится, если за твоей спиной подчиненный ведет собственную игру? А игра такая, что пахнет государственной изменой, а в случае огласки может полететь голова самого начальника.

– Олег Васильевич, как я полагаю, мне следует знать имя подозреваемого.

Нужно отдать должное Чичерину. Он, хоть и помрачнел лицом, но сумел сохранить достоинство. И не сбился, не называл меня настоящим именем. Вот что значит старая дипло-

матическая школа преумноженная работой в подполье. А почему бы и не назвать имя подозреваемого? Если Скородумов чист, ему ничего не грозит. Если нет, то лучше Чичерину поостеречься, мало ли что... Конечно, Георгий Васильевич лишнего не болтает, но все равно, следует вести себя осторожнее.

– Андрей Скородумов. Есть агентурные данные, что он разговаривал по телефону с представителем финского посольства, а к гостинице его доставляла машина с финским флагом. Но не исключена и провокация, и оговор. Нужно все проверить. Не хотелось бы огульно бросаться обвинениями.

– Хорошо, Олег Васильевич, я вас понял, работайте, – кивнул Чичерин. – Не волнуйтесь, я умею хранить секреты. Со своей стороны я тоже проведу небольшое расследование. Да, вот еще что. – Народный комиссар вытащил из пачки бумаг, лежащих перед ним, синий конверт с типографской надписью: «СНК РСФСР». – Это лично вам, из приемной Владимира Ильича.

Глава пятая. О женах и мужьях

– Можно взять с собой или лучше прочесть здесь? – поинтересовался я, потянув к себе синий конверт. Все-таки письмо из диппочты, значит, как минимум, «ДСП».

– Лучше здесь, – кивнул Чичерин. – Письмо забавное, но там резолюция товарища Ленина.

В конверте я обнаружил письмо. Слева резолюция, написанная далеким от каллиграфии почерком: «Ув. Георг. Вас. Я давно так не смеялся. Ознакомьтесь и ознаком. тов. Аксенова. Ответ пришл. с диппочт. Вл. Ульянов.(Лен.).»

А дальше уже шли каракули. Очень даже знакомые.

Дорогой Владимир Ильич!

Пишет вам череповецкая женщина-комсомолка Полина Степановна в девичестве Капитолина Филимонова, потом Аксенова, по бывшему мужу Архипова. У меня к вам убедительная просьба – заставьте ответственного работника ВЧК тов. Аксенова Владимира жениться на мне, потому что это он обещал сделать еще в 1918 году.

Мы с тов. Аксеновым выполняли важное задание губчека по внедрению в организацию террористов, желавших свергнуть Советскую Власть в нашем городе. Я была тяжело ранена и товарищ Аксенов пообещал, что после войны сразу же женится на мне, но обещания не сдержал, а уехал в Москву, а потом в

Архангельск.

Я решила не ждать конца войны, а вышла замуж за ответственного партийного работника, заведующего сектором торговли Петрогубкома тов. Архипова, но данный товарищ не оправдал доверия партии большевиков и был арестован органами чека за растрату казенных денег и продажу товаров неустановленным лицам. После его ареста я сразу же развелась с человеком, так подло втершимся в доверие партии и в мое личное доверие как комсомолки и верного соратника ВКП (б).

Так как я нигде не работала, а комнату, которую мы занимали с мужем, была изъята, мне пришлось уехать из Петрограда и вернуться в Череповец, где я устроилась на работу в губжессовет.

Вышепомянутый тов. Аксенов скрыл от меня тот факт, что он является ответственным сотрудником ВЧК, прикидываясь простым чекистом, но недавно в газете я прочитала, что он награжден вторым орденом Красного революционного знамени и занимает высокий пост в органах нашего славного ЧК.

Хочу напомнить, что настоящий коммунист обязан сдержать данное ранее слово, а раз тов. Аксенов давал слово на мне жениться, так пусть он женится и неважно, что я была замужем.

Дорогой Владимир Ильич! Я убедительно вас прошу взять с тов. Аксенова расписку в том, что после завершения войны он на мне женится. Еще прошу вас похлопотать об обмене моей комнаты в Череповце на

комнату в Москве, потому что женатый чекист не может жить в общежитии, лучше поближе к Лубянке, чтобы мужу было удобнее ходить на работу.

С комсомольским приветом Полина Аксенова.

Чувства после прочтения письма были двойственные. С одной стороны – смешно, с другой – грустно. Мало того, что сама позорится, так еще и меня позорит.

– Георгий Васильевич, а вы читали письмо? – поинтересовался я.

– Прочел, – улыбнулся Чичерин. – Последний раз я так веселился, когда читал рассказы Тэффи. Подскажите, что написать в ответ?

А что, еще и ответ нужен? Впрочем, если письмо попало в секретариат Совнаркома, то оно зарегистрировано, а в соответствии с бюрократическими правилами ответ должен быть дан в течение месяца.

– Можно написать, что Совет народных комиссаров не вмешивается в личную жизнь сотрудников ВЧК, – предложил я, а потом меня осенило. – А еще лучше, ответить так – уважаемая Полина Филимонова-Архипова-Аксенова. К нашему великому сожалению...

– Подождите, возьму карандаш, – остановил меня Чичерин. Вооружившись письменными принадлежностями, нарком иностранных дел словно бы виновато пояснил: – Секретарь завтра придет на службу, все печатает. Так, продолжайте...

– Значит, к великому сожалению, товарищ Аксенов В.И. не может жениться на вас, так как в момент, пока вы были замужем, он сам женился, а разбивать советскую семью для настоящей комсомолки недопустимо. Вопрос об обмене вашей комнаты на комнату в Москве я предлагаю вам решить через Череповецкий губисполком. С уважением В.И. Ленин.

– Все. Записал, – констатировал Чичерин, убирая бумажку в папку. Потом, слегка нахмурившись, словно что-то вспомнил, спросил: – Олег Васильевич, а разве вы женаты?

– Формально – нет, а фактически – да. Наталья Андреевна дала свое согласие, а мы по приезду в Москву собирались пожениться.

– Наталья Андреевна? – с удивлением вытаращился нарком иностранных дел, словно впервые услышал новость о наших отношениях. Хотя, может быть, и впервые. Это на Лубянке все знали, Ленин знал.

– А что вас смущает? – холодно поинтересовался я, думая, удержусь ли от хамства, если нарком скажет что-нибудь о разнице в возрасте. Но Чичерин был слишком интеллигентным человеком, чтобы давать непрошенные советы.

– Нет, ничего, – потер воспаленные глаза Чичерин. – Наталья Андреевна – прекрасная, очень чистая и светлая женщина, и вам очень повезло, если она станет вашей женой.

Что же, приятно слышать. Мне вдруг стало жалко нашего наркома. Глаза красные, видимо, не спал. На столе давно остывший кофейник, грязные чашки, пепельница заполнен-

ная окурками. А где гостиничная прислуга? Совсем службу завалили. Хоть сам бери, да прибирайся на столе у наркома. Или кофе ему свежий соорудить? Сейчас отловлю кого-нибудь, распоряжусь, да надо и честь знать.

Я решительно составил кофейник и чашки на поднос, вышел в коридор. Найдя первую попавшую горничную, вручил ей посуду и попросил:

– Жевузанпри апорт ду кофе в чамбер Чичерина. Компре? – Горничная вытаращила глаза, потом робко кивнула. – Данке шен, юнген фрау. Тьфу ты, мерси боку, мадмуазель. – Довольный собой и своим французским, вернулся к Георгию Васильевичу. – Сейчас принесут кофе, – сообщил я, чем, похоже, обрадовал Чичерина.

– Спасибо, Олег Васильевич. Да, а где сейчас ваша невеста?

С чего это ему Наталья понадобилась? Хотя, может какие-то вопросы к сотруднику Коминтерна.

– Увижусь с ней вечером, а сейчас она у родителей. Если что-то нужно передать, только скажите.

– Не нужно, я сейчас позвоню на квартиру Андрея Анатольевича, – отмахнулся Чичерин, подходя к телефонному аппарату. Пока он беседовал с французской телефонисткой, называя ей цифры: декс-кварте-зеро и еще что-то, я думал, а кто такой Андрей Анатольевич? А потом до меня дошло, что это мой будущий тесть, граф Комаровский. Значит, нарком знаком с родителями Наташи?

– Наталья Андреевна, здесь сидит наш общий знакомый. Вы поняли, о ком идет речь? Говорит, что предлагал вам руку и сердце, что вы согласны. Это соответствует действительности? Спасибо, Наташа, я понял. (Почему он называет ее просто по имени?) Да... (Пауза. Чичерин внимательно слушал.) Думаете, он не знает? Так, может, стоит рассказать? Как я сам считаю? Да, Наташа, я считаю, что он должен знать.

Ну ни хрена себе! Это что же, товарищ нарком не поверил мне на слово? А я-то, дурак, ему за кофе ходил. Вот и ходи за кофе для наркомов, никакой благодарности. А еще почему-то называет мою жену (да!) просто по имени, обсуждает с нею какие-то вопросы, о которых я не имею понятия. Нет уж, пусть Наталья сама все расскажет.

Решив обидеться, я уже собрался-таки уйти, чтобы не мешать занятому человеку, но Чичерин уже повесил трубку.

– Олег Васильевич, если я вас обидел, прошу меня простить.

– Понимаю, – сухо сказал я. – Доверяй, но проверяй. Разрешите идти, товарищ нарком? Я уже и так забрал у вас много времени.

– Подождите, Олег Васильевич... Да черт с ним, с моим временем. Успею.

Георгий Васильевич осторожно ухватил меня под локоть и усадил на стул. Разумеется, если бы я захотел, вырваться бы труда не составило, но смысла не видел.

– Олег Васильевич, еще раз прошу прощения за вторже-

ние в вашу личную жизнь, но Наташа... Наталья Андреевна... очень дорогой для меня человек. – Предупреждая мой вопрос, Георгий Васильевич сказал. – Все дело в том, что я был ее мужем.

– Что?!

Ну, ни... себе. Женоненавистник Чичерин был мужем моей Наташки? А разве нарком вообще был женат?

– Я был тюремным мужем Натальи Андреевны, – поспешил уточнить Чичерин. – В тысяча девятьсот седьмом году, когда Наташу посадили в Кресты, меня попросили сходить к ней на свидание. И хотя я в те годы разделял мнение меньшевиков, а не большевиков, такого разрыва как теперь между большевиками и меньшевиками не было, согласился. К тому же раньше я служил вместе с отцом Наташи в архиве Министерства иностранных дел, девочку знаю с детства. Позже я уехал в Лондон, но за судьбой Наташи старался следить, мы даже какое-то время переписывались. Узнал, что в ссылке она познакомилась с молодым человеком, социал-революционером, вышла за него замуж. Но все закончилось очень некрасиво.

Не желая услышать что-то такое, о чем не хотел бы знать, я мрачно сказал:

– Да, Наталья Андреевна мне рассказывала, что ее муж полюбил другую, они развелись.

Чичерин с иронией посмотрел на меня и спросил:

– Олег Васильевич, а вы помните, как можно было полу-

читать развод в Российской империи?

— Кажется, если супруги не имели детей в браке, — пожал я плечами. — Возможно, предусматривались еще какие-то случаи.

Вот уж чего-чего, а условия для развода в Российской империи меня никогда не интересовали. Знал, что брак был церковным и, соответственно, церковь старалась ограничивать количество разводов. Но в случае с Наташей бездетность подходила, и я уверен, что это и стало поводом.

— Да, если супруги бездетны, это причина, — кивнул Чичерин. — Но самой распространенной причиной развода было прелюбодеяние одного из супругов. Если муж или жена подписывали необходимые документы, соглашаясь, что совершили супружескую измену, все делалось достаточно быстро, а нет, то вызывались свидетели, дело могло тянуться до бесконечности, все это пропечатывалось в газетах, на суд общественности выносилось столько грязи, что иногда муж стрелялся, а жена травилась, не дожидаясь завершения процесса. В большинстве случаев мужья признавали свою вину, даже если виновницей являлась супруга. Понимаете?

Еще бы не понимать. Все-таки на измену мужа даже в мое время смотрят как бы сквозь пальцы. Мол, ему можно сходить налево, а женщине нет. А кому из мужчин хочется выносить на всеобщее обозрение, что ему наставили рога? Если жена изменяет мужу, то он неудачник, импотент и сам виноват.

– Но дело в том, – продолжал Чичерин. – Что по законам Российской империи, супруг, уличенный в прелюбодеянии, не мог повторно жениться, а муж Наташи как раз и встретил новую любовь, решил жениться во второй раз. К тому же, он хотел начать новую жизнь, покончить с революционным прошлым. А Наталья Андреевна, добрая душа, подписала все необходимые бумаги, признавшись в том, чего не совершала. Она же девочкой совсем была, двадцать лет. И родителям пришлось очень тяжело. Мало того, что дочь ссыльная революционерка, так еще и в газетах написали, что она падшая женщина. Андрей Анатольевич собирался уйти в отставку, но его убедили этого не делать, а направили в наше посольство во Франции, правда, с понижением в должности. Наташа же из гордости ничего никому не хотела объяснять, даже родителям. Разве что мне... Но это позднее, когда мы сотрудничали с Жоресом. Может, не стоило вмешиваться, но я обо всем рассказал Андрею Анатольевичу. Наталья Андреевна на меня даже обиделась, но потом простила.

Чичерин замолк, а я немного поломал голову – зачем он мне все это рассказывал? Открыл какие-то жуткие тайны? Никаких, абсолютно. То, что Наташка человек гордый и станет верной женой, я и так знал. А еще... Нарком что-то такое сказал, может, не столь и важное, но выбивающееся из моих знаний о Наталье. Что именно, я пока не понял, зато в голову пришла интересная мысль.

– Георгий Васильевич, вы глава дипломатической миссии.

Это не посольство, где полномочный посол – первый после бога, но все-таки, почти одно и то же... Вы же можете зарегистрировать наш брак с Наташей? – поинтересовался я. – А не то вернемся в Москву, а там меня куда-нибудь зашлют или Наталью Андреевну куда-то отправят.

– Увы, – развел руками Чичерин. – Посольство, равно и наша миссия, имеет право зарегистрировать брак, но у меня нет самого важного атрибута – гербовой печати.

Я хотел сказать, что мы с Натальей Андреевной можем довольствоваться и подписью наркома – что мы, бюрократы какие-то, но спросил о другом:

– Если у вас нет печати, значит мы не сможем заключить мир с Польшей?

– Олег Васильевич, – удивленно вскинул брови Чичерин. – Никто и не собирался прямо сейчас заключать мир. Мы должны все хорошенько обсудить, прийти к какому-то разумному компромиссу. Польша, как вы знаете, требует назад Львов и Галицию. Они уже даже согласны заплатить часть царских долгов – сумма смешная, не то сто, не то двести тысяч рублей, но важен сам факт.

– Я бы предложил Польше взять на себя свои долги, с условием вернуть Галицию лет через пять.

– Почему через пять, а не через семь? – поинтересовался Чичерин. Но как-то вяло.

– А можно даже и через три, – хмыкнул я. – Мы же не знаем, сколько времени понадобится товарищам для созда-

ния Львовской народной республики.

– Простите, какой республики? – не понял нарком.

– Львовской народной или Галицийской демократической, – охотно ответил я. – Это уж как решат наши польские, а еще лучше – русинские товарищи, мечтавшие обрести независимость и не желающие войти в состав буржуазной Польши. Возможно, провозглашение народовластия совпадет с началом вывода Красной армии с их территории. Советская Россия добросовестно исполняет свои обязательства по договору с Польшей, но она не сможет заставить граждан братской республики добровольно войти в состав другой страны, верно? Владимир Ильич сам писал о праве наций на определение.

Чичерин в раздумчивости прошелся по кабинету.

– А знаете, Владимир Иванович (ух ты, оговорился-таки!) ваше предложение заслуживает внимания. Можно на его основе составить проект. Особенно если мы согласимся официально признать оккупацию Галиции. Можно даже прописать – территория, принадлежащая Польше, но временно оккупированная РСФСР. Но как это обосновать срок в пять лет? Поляки потребуют немедленного вывода нашей армии.

– Можно обосновать сроки оккупации части Польши как гарантию безопасности РСФСР, как необходимость контролировать западную часть от возможной агрессии белой армии – мы же еще не подписали мир с Крымом. А можно вообще ничего не объяснять, все списать на царские долги. Де-

скасть, мы согласны признать Польшу в тех границах, которые она контролирует на сегодняшний день, за исключением Галицкой области, должной служить гарантом возвращения нам десятой части царских долгов. Получается, французы и англичане, вкладывали деньги в промышленность Царства Польского, а компенсировать их издержки должны мы?

– Боюсь, переговоры о мире затянутся на несколько лет, – усмехнулся Чичерин. – Десятая часть – слишком много. Мы уже подсчитывали, что вложения европейцев в промышленность Царства Польского составляла не более миллиарда рублей золотом. Даже если Польша и согласится возместить часть долгов, она не станет платить их России, а предпочтет отдавать их напрямую кредиторам.

– Ну и что? Мы за это время заключим мир со Славяным, отодвинем финнов подальше от нынешней границы, а потом уже можно вернуться и к польскому вопросу. Опять-таки, даже если Польша станет что-то возвращать, мы должны быть в курсе. Иначе, где гарантия, что та же Франция, получив деньги с Польши, не захочет получить их еще раз?

– Спасибо, Владимир Иванович, то есть, Олег Васильевич. Пожалуй, я составлю проект договора о мире и отправлю в Москву, а копию передам польской стороне. Пусть члены Политбюро решают, как быть.

– А Скородумов не увидит этот проект? – поинтересовался я.

– Не волнуйтесь, не увидит.

Глава шестая. Тазик для умывания

Вечером мы с Натальей прогулялись вдоль Сены, полюбовались на книжные развалы и парижских букинистов, напоминавших не то художников, не то профессоров-вольнодумцев – через одного в беретах, с длинными бородками а-ля Ришелье. Правда, мне теперь в бородках мерещились либо Феликс Эдмундович, либо Лев Давидович. Зашли в кафе, заказали вино и кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.